

**ДВИЖЕНИЕ В ЗАЩИТУ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ**

ХРОНИКА

ЗАЩИТЫ ПРАВ В СССР

ВЫПУСК 23-24

ОКТАБРЬ-ДЕКАБРЬ 1976

ГОД ИЗДАНИЯ – ЧЕТВЕРТЫЙ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО "ХРОНИКА"
НЬЮ-ЙОРК**

«Хроника защиты прав в СССР» составляется редакцией
издательства «Хроника пресс».

Главный редактор издательства: Валерий Чалидзе.

Редакционная коллегия: Эдвард Клайн

Павел Литвинов

Лондонский корреспондент: Питер Реддавей

A CHRONICLE OF HUMAN RIGHTS IN THE USSR
is compiled by the editors of the KHRONIKA PRESS.

Editor-in-Chief, Khronika Press: VALERY CHALIDZE

Editorial Board: EDWARD KLINE, New York

PAVEL LITVINOV, New York

London Correspondent: PETER REDDAWAY

Copyright © 1976 by KHRONIKA PRESS

Published by: KHRONIKA PRESS, 505 8th Ave., New York, N.Y. 10018

СОДЕРЖАНИЕ

Обмен Буковского на Корвалана	5
Премия прав человека Андрею Амальрику	7
Хельсинкские группы	9
Демонстрация 5 декабря	—
Комиссия по расследованию злоупотреблений психиатрией . .	10
Обыск у адвоката Каминской	—
Письмо Поповского 6-му съезду писателей	11
Заявление Шафаревича	15
Хельсинкская комиссия конгресса США	17
Резолюция Американской ассоциации психиатров	21
Заявление Буковского	23
Советский юрист о политзаключенных в СССР	24
Советский философ о правах человека	29
О регистрации брака заключенных	34
Обращение политзаключенного священника Романюка . . .	35
Обращение политзаключенных Мордовии	39
Заявление украинского повстанца	47
Краткие сообщения	52
Документы	
Надзорная жалоба Юй-Ши-Линя	54
Интервью с Владимиром Буковским	68
Personalia:	
Александр Гинзбург	73
Юридический комментарий :	
<i>В. Чалидзе.</i> О законности и произволе в применениях исправительно-трудового права	76
<i>Мераб Костава.</i> Месхи-турки или месхи-грузины	84
Библиография. Поступления Самиздата	90
Перечень имен (выпуски 19-24)	95

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Журнал «Хроника защиты прав в СССР» информирует читателя о событиях, связанных с советскими и западными выступлениями в защиту прав человека и социальных меньшинств в СССР и о том, как власти в СССР защищают и нарушают права человека и меньшинств, при этом основное внимание будет уделяться наиболее типичным нарушениям прав.

«Хроника защиты прав в СССР» не занимает политически мотивированной позиции и не содержит редакционных оценок по поводу описываемых событий. При отборе информации основное внимание уделяется степени её достоверности, что, по мнению издательства, более важно, чем оперативность и полнота публикаций.

Ограниченность объема журнала не позволяет издательству более полно информировать читателей о многочисленных западных выступлениях в защиту прав человека в СССР и о движении советских евреев за выезд в Израиль.

Издательство не принимает пожертвований от государственных и политических организаций.

* * *

За последние годы из-за инфляции и иных экономических трудностей многие органы прессы повысили подписную плату или уменьшили объем издания.

Финансовые трудности издательства "Хроника" и желание не повышать подписную плату вынуждают меня объявить, что с 1977 г. "Хроника защиты прав в СССР" по-русски и по-английски будет выходить 4 раза в год.

Одновременно для желающих помочь издательству объявляется "Подписка в поддержку издательства" — \$ 100 в год. Такие подписчики будут помимо журнала "Хроника защиты" получать все наши издания в течение года, если не заявят о нежелании этого.

Главный редактор издательства "Хроника"

ОБМЕН БУКОВСКОГО НА КОРВАЛАНА

Политзаключенные — известный деятель правозащитного движения Владимир Буковский и руководитель чилийской компартии Луис Корвалан — 18 декабря были привезены в Цюрих для официального обмена при посредничестве США. Самолеты с Буковским и Корваланом прибыли на аэродром в Цюрихе почти одновременно и остановились вблизи друг друга, далеко от обычного места остановки самолетов. Обмен происходил в присутствии послов Чили, СССР и США. Кордоны полиции сдерживали репортеров.

Позднее, пройдя через таможенный пункт, Буковский появился в аэропорту. Многочисленным репортерам он сказал, что чувствует себя плохо. На его руках были свежи следы наручников. По свидетельству очевидцев, он выглядел весьма истощенным.

Из Владимирской тюрьмы Буковский был вывезен неожиданно накануне. Никто не сказал ему, куда и почему его увозят. В Цюрих он летел в одном самолете со своей матерью и родными. Лишь по требованию матери, и то не сразу, в самолете ему сняли наручники.

Комментаторы подчеркивают, что это первый в истории обмен политзаключенными между Западом и Востоком: до сих пор практиковались обмены лишь шпионами.

На следующий день Буковский выступил на пресс-конференции и дал интервью по телефону редакции "Хроники защиты прав в СССР" — оно опубликовано в этом выпуске.

Процессуальные подробности освобождения Буковского не ясны. Не известно ни о каком решении властей на эту тему. Известно лишь, что Буковский получил советский паспорт сроком на пять лет (т. е. на срок меньший, чем оставшийся ему срок наказания, включая ссылку). Известно также, что сопровождающие его лица еще в самолете считали его заключенным.

пным распространили следующее заявление:

Заявление по поводу обмена Буковского на Корвалана

Обмен Буковского на Корвалана безусловно радостное событие: освобождены двое политзаключенных, за жизнь которых можно было опасаться (во всяком случае, это известно о Буковском).

Это радостное событие, но оно заслуживает критики с точки зрения права. Мы не изучили достаточно ситуацию в Чили, но с СССР мы знаем, что многие политические узники *безвинно* содержатся в заключении и, случается, умирают там. Выбор пал на Буковского — обоснованный выбор: слишком жесток его приговор, слишком он был изнурен. Но и сам Буковский, мы думаем, спрашивает: "А что будет с остальными?" Ответ, увы, неутешителен: то же, что и было, разве что надо будет освободить видную жертву военного переворота в другой стране.

Обмен — хорошая международная традиция в отношении военнопленных. Корвалан с натяжкой может быть назван военнопленным, если счесть, что военный переворот — это маленькая гражданская война. Но в СССР никакой войны нет. СССР играет в войну с собственными лояльными гражданами, которые осмелились критиковать правительство. "Свобода слова и печати есть прежде всего свобода критики, хвалить правительство и так никто никогда не запрещал", — сказал Буковский на суде; но, увы, этого не понимает правительство, оно ведет войну с теми, кто не хвалит его.

В этот радостный день мы напоминаем о многих честных и смелых узниках в СССР. Мы призываем Советский Союз освободить их, не дожидаясь следующего выгодного обмена.

18 декабря 1976 г.

Подписи:
Валерий Чалидзе
Павел Литвинов
Александр Вольпин
Эдвард Клайн

Заявление Буковского, полученное, когда выпуск был уже

ПРЕМИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА АНДРЕЮ АМАЛЬРИКУ

Международная Лига прав человека в Нью Йорке присудила премию прав человека за 1976 год Андрею Амальрику, известному русскому публицисту, бывшему политзаключенному.

Выступая на церемонии вручения премии, Андрей Амальрик сказал, в частности:

”... Эта награда тем более важна для меня, что одним из моих предшественников был Андрей Дмитриевич Сахаров — борьба за права человека в СССР связана для нас прежде всего с его именем.

Я думаю, что, присуждая эту премию Сахарову и теперь мне, вы имели в виду не только нас, но и все движение за права человека в СССР — всех тех известных и неизвестных мужчин и женщин, которые словом и делом говорят миру, что свобода — не пустой звук.

В отличие от Андрея Сахарова, я могу сейчас непосредственно обратиться к вам. Я чувствую себя сейчас не просто писателем Андреем Амальриком, но послем нашего движения, послем тех, кто в тюрьмах, лагерях, ссылках и психбольницах отстаивает свое человеческое достоинство и тем самым достоинство всех людей на земле.

Я не хочу сказать, что все эти люди дали мне мандат говорить от их имени или что они будут полностью согласны с тем, что я скажу здесь. Но мое участие в движении, мой опыт тюрем, лагерей и ссылок, мое стремление всегда писать правду и мой долг человека, которого готовы выслушать, дают мне право и обязанность просить вас смотреть на меня как на посла тех, чей голос едва доносится из СССР сквозь тюремные стены и барабанный бой официальной пропаганды”.

И далее:

”Говоря о правах человека, мы не забываем, что существуют как бы два вида человеческих прав: одни условно можно на-

звать гражданскими правами, вторые — социально-экономическими.

К первым относятся права на мысль, слово, передвижение, ассоциации, инициативу — это право проявлять себя, нужное прежде всего активным членам общества. В целом, это право на свободу.

Ко вторым относятся права на оплачиваемую работу, медицинское обслуживание, социальное обеспечение — это право быть защищенным от социальных несправедливостей, нужное прежде всего менее активной, но более многочисленной части общества. В целом, это право на безопасность.

Я начал с различения этих прав, но хочу сказать, что это — неделимые права человека. И тем более опасно, что в мире начинает торжествовать точка зрения, которая пытается не только разделить эти права, но и противопоставить одни другим.

Есть люди, которые говорят, что ради достижения социально-экономических прав нужно отказаться от прав гражданских. Есть и менее крайняя точка зрения, что сначала нужно накормить людей, а затем уже думать о свободе слова.

Этот взгляд, во-первых, безнравственен, во-вторых, исторически неверен.

Он безнравственен потому, что у человека есть не только желудок, но и голова и сердце. Мало накормить — и крестьянин кормит свой скот, чтобы тот работал. И у сытого раба остается рабская психология, если он голодный не думал о свободе. Если вы уважаете голодных людей, вы должны не только накормить их, но и дать им чувство собственного достоинства. Если два этих процесса не будут идти рука об руку, мы будем жить в страшном мире...

... Исторически неверен этот взгляд потому, что там, где свободой человека было пожертвовано для достижения социально-экономических целей, там и социальные права оказались гораздо хуже обеспечены, чем в свободных странах...”

ХЕЛЬСИНКСКИЕ ГРУППЫ

♦ На Украине создана Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений. Как можно понять, возглавляет Группу писатель Микола Руденко.

♦ В Литве создана Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений. Об этом заявил на устроенной в Москве неофициальной пресс-конференции участник литовского правозащитного движения Викторас Пяткус. В заявлении об учреждении Группы содержится напоминание, что Литва стала частью СССР в результате вторжения советских войск в 1940 году.

В литовскую Группу содействия входят также известный литовский поэт Томас Венцлова, физик Эйтанас Финкельштейнас, священник Каролис Шаручкас, Лукаускайте-Пошкене.

Литовская Группа содействия совместно с московской Группой содействия заявила о нарушении религиозной свободы в Литве.

♦ По сообщению западных корреспондентов из Москвы, московская Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений распространила заявление относительно расследования злоупотреблений психиатрией. В этом заявлении предложено создать постоянную советско-американскую комиссию для проверки на месте достоверности сообщений о применении психиатрических мер в борьбе с инакомыслящими. Заявление подписали Юрий Орлов, Людмила Алексеева и Анатолий Щаранский.

ДЕМОНСТРАЦИИ 5 ДЕКАБРЯ

5 декабря в Москве состоялась традиционная демонстрация участников правозащитного движения на площади Пушкина. В демонстрации участвовали многие активисты движения, в том числе Андрей Сахаров и Петр Григоренко. Согласно противоречивым сообщениям из Москвы, демонстрация была разогнана, по одним сведениям — милицией, по другим сведениям — хулиганами из публики.

Это уже одиннадцатая демонстрация, проводимая участниками правозащитного движения в День Конституции с 1965 г. В большинстве случаев до этого года во время этих демонстраций не происходило никаких инцидентов.

Одновременно сообщают, что в Ленинграде у памятника Пушкину на площади Искусств также была проведена аналогичная демонстрация

КОМИССИЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ ПСИХИАТРИЕЙ

Наталья Горбаневская, Леонид Плющ и Виктор Файнберг распространили заявление с сообщением о том, что в Москве создана комиссия по расследованию незаконного заключения в психиатрическую больницу Петра Старчика. Председатель комиссии — Татьяна Ходорович (Москва, пр. Мира 68, кв.156). После освобождения Петра Старчика эта комиссия продолжает деятельность, интересуясь судьбой других заключенных в психиатрические больницы. Эта комиссия, как сообщают, выдвинула конкретные предложения к международным организациям, в частности:

— Компетентным международным органам психиатров разобрать и изучить международные нормы о принудительной госпитализации психически больных. В основу этих норм, по мнению комиссии, должно быть положено определение таких понятий, как социально опасный больной, общественно опасный больной, невменяемость и т.п.

— Создание постоянно действующей международной инспекции психиатров по инспектированию выполнения этих норм с правом обследования психиатрических больниц и медицинского освидетельствования лиц, находящихся на принудительном лечении.

Математик Петр Старчик в сентябре был вновь насильственно помещен в психиатрическую больницу № 14 г. Москвы. Как можно понять, поводом для преследований послужило то, что он исполнял песни собственного сочинения в кругу друзей. В ноябре стало известно об освобождении Петра Старчика.

ОБЫСК У АДВОКАТА КАМИНСКОЙ

В конце ноября в Москве был произведен обыск на квартире известного московского адвоката Дины Каминской. Согласно сообщениям, изъяты произведения неподцензурной литературы.

Адвокат Каминская выступала в качестве защитника на процессах Буковского (1967 г.), Юрия Галанскова, Павла Литвинова и в других политических процессах. В последние годы Каминская не может выступать на процессах по политическим обвинениям, поскольку власти лишили ее "допуска" к участию в таких процессах.

ПИСЬМО ПОПОВСКОГО 6-МУ СЪЕЗДУ ПИСАТЕЛЕЙ

Коллеги!

Вынужден обратиться к Вам с письмом, так как секретарь СП СССР Ю.Н. Верченко не разрешил мне выступить перед Вами на съезде. В личной беседе (9.6.1976 г.) он заявил мне, что "съезд — не та трибуна, где следует обсуждать такие *частные* вопросы". Между тем, я собирался говорить о том, что волнует многих из нас: об атмосфере униженности, жесткой зависимости и безгарантийности, в которой пребывает большинство литераторов. Начать этот разговор меня побудила беда, обрушившаяся на меня и на мою семью.

25 января 1976 года воронежская газета "Коммуна" опубликовала фельетон, в котором некто, скрывавшийся под псевдонимом "Ф. Иванов", обвинил меня в хранении и распространении "недозволенных" книг и в том числе книги А. Солженицына "Архипелаг ГУЛаг". Статья 70 Уголовного кодекса РСФСР предусматривает за это деяние до семи лет исправительно-трудовых лагерей. Итак, право читать любые книги, обсуждать их и передавать кому угодно, право, которое во всем цивилизованном мире гарантировано каждому гражданину *по закону*, у нас в законодательном порядке объявлено преступлением.

Писателя, читающего интересующие его книги, воронежская газета представила своим читателям как преступника. Не арестовали меня, очевидно, лишь потому, что у "Ф. Иванова" и тех, кто за ним стоит, не хватило материала для судебного процесса. Однако те, кто имеет власть над душой и телом любого советского гражданина, устроили надо мной расправу иного сорта. Сразу после появления фельетона в Воронеже четыре московских издательства, связанные со мной договорными отношениями, одновременно, будто их дернул кто-то за ниточку, отказались выпускать мои книги.

Издательство "Знание" рассыпало набор уже подписанной в печать публицистической книги "Честь ученого" (семь печ. листов)

Издательство "Детская литература", которое за двенадцать последних лет выпустило шесть моих книг, вдруг отказалось одобрить вновь представленную рукопись (12 печ. листов).

Издательство "Сов. писатель", имея сверку, приостановило издание книги очерков о людях науки "Вначале было дело..." (13 печ. листов).

"Политиздат" вычеркнул мою повесть об ученом-народовольце Н. Морозове из плана переиздания на 1978 год (22 печ. листа).

Повторяю, все эти акции не зависели от качества рукописей и были предприняты одномоментно и по явной команде извне. Кто подал эту команду: КГБ Воронежа? КГБ столицы? Так ли это важно?... Мы все здесь только государственный инвентарь, писатели, художники, ученые — мы лишь имущество вышестоящего чиновника.

В середине февраля я обратился за помощью в секретариат Московской писательской организации. Но ни визит к генералу Ильину, ни два письма на имя руководителей МО не побудили московских литературных вождей вступить за члена своей организации. 30 апреля я подал жалобу секретарю СП СССР Г.М. Маркову. В течение месяца — полное молчание, затем его секретарша по телефону известила меня, что Георгий Макеевич занят, а "делом" Поповского будет заниматься Верченко. Ю.Н. Верченко "делом" действительно занялся: отказал мне в праве выступить на съезде и отфутболил обратно в Московскую организацию. Так закончились четыре месяца, в течение которых я еще мог надеяться на справедливость.

Нет, я не считаю эту историю *частной*, не считаю ее случайной. Не случайные силы создали тот порочный круг, в котором сегодня нахожусь я, а завтра может оказаться любой из вас. Достаточно вспомнить некоторые факты жизни нашей организации между двумя съездами.

Более двух десятков наших коллег были поставлены в такие невыносимые условия жизни, что предпочли эмигрировать из страны.

Несколько литераторов, членов группкома литераторов, находятся в тюрьмах и лагерях.

Группа писателей исключена из СП за независимые общественно-политические взгляды.

Многие, хорошо всем нам известные писатели Москвы и Ленинграда, прежде широко публиковавшиеся, перестали печататься. Их произведения, как теперь стало модно говорить, — "не проходят". Ценные, высокохудожественные рукописи оседают в ящиках письменных столов. Творцы этой подлинной литературы либо бедствуют, либо ищут средства к пропитанию на стороне. В целом по Союзу писателей СССР число таких изгоев, очевидно, исчисляется десятками, а, может быть, и сотнями.

Не забудем и тех, кто выкупил свое право печататься унижительной процедурой публичного "покаяния" на страницах "Литературной газеты".

И тех, кто покончил жизнь самоубийством по причинам общественного неблагополучия...

Я не называю имен, ибо все они вам хорошо известны.

Процесс изничтожения всего лучшего в отечественной литературе давно уже не тайна для широких кругов общественности. Во время моих выступлений на предприятиях, в научно-исследовательских институтах, в библиотеках меня забрасывали вопросами о том, почему не издаются *хорошие* книги, почему издательства выпускают так много мусора, куда девались *хорошие* писатели.

Люди не скрывают: хорошая книга для них та, что говорит правду о жизни, без таланта такую книгу не создашь. Мусором же читатель откровенно зовет сочинения в красивых переплетах, набитые мертвящей пропагандистской болтовней. Книжки-фальшивки народ наш клеймит единственным доступным для него способом — не покупает их. Многочисленные издания и переиздания литературных "боссов" штабелями можно увидеть в отделах уцененных книг. Но "боссы" не волнуются: их переиздадут снова. Ведь это — форма оплаты их верности, гонорар за послушание.

Таковы тезисы речи, с которой я собирался выступить на VI съезде писателей СССР. В отличие от Ю.Н. Верченко, тема эта не кажется мне слишком узкой или частной. Думаю, что моя речь имела бы даже известное преимущество перед длинными речами секретарей СП, которые вам придется выслушать. Я написал ее сам, верю в то, о чем говорю, и готов с фактами в руках доказывать свою правоту. Секретари же станут читать

вам по бумажке то, что в течение полугода сочиняли для них маленькие литературные холуи. Живя нынешней весной в Доме творчества Голицыно, я мог наблюдать "вдохновенный труд" и слушать циничные разговоры этих наемников, изготавлявших выступления для Маркова, Симонова, Чаковского и Озерова.

Итак, хотя выступление мое запрещено, я призываю вас, коллеги, обсудить *реальное* состояние нашей литературы и *подлинное* положение литератора в СССР. Может быть, заодно вы найдете время и для того, чтобы разрешить куда более скромный вопрос: что делать автору семнадцати опубликованных книг, писателю с тридцатилетним литературным стажем, которого чиновники насильно оторвали от любимой профессии?

17 июня 1976 г.

*Поповский
Марк Александрович,
очеркист, прозаик,
член СП с 1961 года.*

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ХРОНИКА"

выпускает брошюру

**СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ
ОБЩЕСТВЕННОЙ ГРУППЫ СОДЕЙСТВИЯ
ВЫПОЛНЕНИЮ ХЕЛЬСИНКСКИХ СОГЛАШЕНИЙ**

ЗАЯВЛЕНИЕ ШАФАРЕВИЧА

Год назад я был уволен из Московского университета, где преподавал с 1944 г. — более 30-ти лет. В то время я считал, что этот факт касается только меня лично, и не предавал его гласности. Но сейчас, через год после меня, из университета уволен мой ученик, доктор физико-математических наук А.Н. Тюрин — только за то, что я присутствовал на его семинаре. После этого я не имею права молчать.

В конце прошлого учебного года во время заседания семинара А.Н. Тюрин дверь распахнулась, и в аудиторию вбежал один из членов администрации. Прерывая докладчика, он спросил меня: "Что здесь происходит?!" Я ответил, что это — заседание семинара Тюрин, после чего он покинул аудиторию.

На следующий же день собралось начальство факультета: надо было решить, какие меры принять в такой опасной, взрывной ситуации — когда я появляюсь на семинарах в университете! Передают, что предполагалось закрыть семинар Тюрин немедленно. В свою очередь я просил передать, что тогда у меня не останется иного выхода, как предать весь инцидент широкой огласке. В результате семинар сохранился. (Впрочем, до конца учебного года оставалось совсем немного.) Но когда начался новый учебный год, то Тюрину преподавать в университете больше не разрешили.

Ни для Тюрин, ни для меня увольнение из университета не означает полного лишения зарплаты — университет не был местом нашей постоянной работы. Но это означает разрыв контактов со студентами, а в будущем, я боюсь, — пресечение традиции в той области, в которой мы работаем (алгебраическая геометрия), и уничтожение научной школы, на создание которой я потратил большую часть своей жизни.

Не в первый раз меня увольняют из университета. Я уже был один раз уволен в конце сталинской эпохи, и только когда ректором университета стал академик И.Г. Петровский, я смог

туда вернуться. До последних дней его жизни поддержка И.Г. Петровского давала мне возможность преподавать в университете. Помню поразивший меня разговор за несколько месяцев до его смерти:

”Они давят на меня, чтобы я вас уволил, — сказал Петровский, — но я хитрю, говорю, что в середине семестра это неудобно, произведет на студентов неприятное впечатление. А в конце семестра они сами забывают. И так тянется уже несколько лет”. Я так и не узнал, кто были эти загадочные ”они”, с которыми он должен был идти на такие хитрости (ведь он был членом Президиума Верховного Совета, т.е., по Конституции, одним из глав государства).

После смерти И.Г. Петровского мое положение в университете стало меняться. Мне больше не поручали основные курсы, рассчитанные на большую аудиторию. В последние годы *ни один* из работавших у меня студентов не был оставлен в аспирантуре в университете. Наконец, я был уволен.

Ситуация вернулась к исходной точке, но, в согласии с диалектикой Гегеля и Маркса, ”на более высоком уровне”. Когда в сталинское время я был уволен из университета, мне не только не препятствовали посещать любой семинар, но я мог даже вести свой семинар, только не получая за это платы. И уж тем более никому не пришло бы в голову уволить моего ученика только из-за того, что я присутствовал на его семинаре в той же аудитории, в которой когда-то учил математике его самого. Такова диалектическая эволюция нашей жизни...

2 октября 1976 г.

И.Р. Шафаревич

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ ”ХРОНИКА”

готовится к печати

исторический сборник ”ПАМЯТЬ”.

В сборнике ценные исторические документы,
мемуары политических заключенных.

На Западе представитель редакции ”Памяти” —

”ХЕЛЬСИНКСКАЯ КОМИССИЯ” КОНГРЕССА США
Речь Альфреда Френдли мл. на Совете директоров
Международной лиги прав человека*

Хельсинкская комиссия, или Комиссия по безопасности и сотрудничеству в Европе, своим возникновением обязана в значительной степени проницательности советских еврейских активистов и политических инакомыслящих, сумевших разглядеть то, что ускользнуло от общественного внимания на Западе: соглашения, подписанные в Хельсинки, могут стать тем рычагом, который, быть может, сумеет открыть запертые двери коммунистических стран.

Во время работы совещания на высшем уровне в Хельсинки в августе 1975 г. большинство западных комментаторов критиковало эти соглашения, считая их подарком Советскому Союзу, суррогатом мирного договора, закрепляющим политические приобретения коммунистов в Европе после второй мировой войны. Однако, когда в конце августа группа американских конгрессменов посетила СССР, они услышали совершенно иное суждение от таких людей, как Валентин Турчин и Вениамин Левич. Они сказали члену конгресса от Нью Джерси Миллисенте Фенвик, что в этих соглашениях содержатся обещания большей свободы выражения идей и свободы совести в Советском Союзе и расширения прав тех, кто хочет покинуть Советский Союз.

Этот анализ произвел большое впечатление на г-жу Фенвик. На нее также произвели впечатление доводы, что Советский Союз будет выполнять обещания только в том случае, если на него будет оказываться давление из-за рубежа и прежде всего — из Соединенных Штатов. В сентябре 1975 г. она внесла законопроект, согласно которому должна была быть сформирована комиссия, в основном состоящая из членов конгресса, которая должна оценивать, насколько достигнут прогресс в выполнении соглашений, подписанных в Хельсинки, — главным обра-

* Альфред Френдли — заместитель директора штата Комиссии конгресса

зом в части, касающейся гуманитарных проблем. К этому законопроекту была внесена поправка, согласно которой комиссия должна поощрять использование американскими правительственными и частными организациями возможностей, предусмотренных Хельсинкскими соглашениями в части торгового обмена и обмена информацией, и с этой поправкой законопроект, внесенный г-жой Фенвик, был принят сенатом и палатой представителей в мае 1976 г., а после подписания его в июне президентом Фордом он стал законом.

Комиссия состоит из шести членов от палаты представителей, шести — от сената; в нее входят также, с правом совещательного голоса, по одному представителю от Государственного Департамента, Департамента обороны и Департамента торговли. Предпосылкой к работе комиссии является положение, на которое указали г-же Фенвик в Москве: в Хельсинкских соглашениях заложены серьезные возможности для улучшения положения людей в коммунистических странах, а через это улучшение — и для снижения политической и идеологической напряженности между Востоком и Западом. В задачу комиссии входит наблюдать за фактическим выполнением соглашений, отмечать как прогресс, так и факты несоблюдения, и, в основном, информировать конгресс США и общественное мнение о положении дел с воплощением в жизнь положений совещания и о мерах, которые могли бы способствовать выполнению решений Соединенными Штатами и другими сторонами, подписавшими соглашения.

Первым обследованием, проведенным комиссией, было изучение положения в других странах, подписавших соглашение. Это удалось сделать только в отношении Западной Европы и Югославии, так как страны Варшавского пакта отказались разрешить членам комиссии посетить эти страны в ноябре этого года с официальной миссией. Комиссия пришла к заключению, что в Западной Европе существует широкое, чуть ли не единодушное понимание потенциальных преимуществ соглашений и эта точка зрения разделяется даже теми, кто вначале воспринял подписание соглашений в Хельсинки как безусловную дипломатическую победу Советского Союза. Комиссия сделала также вывод, что информационная и гуманитарная части соглашений выполняются Советским Союзом и восточно-европей-

скими странами в очень неровном темпе и с явной неохотой.

В то время как некоторые страны предприняли определенные шаги для разрешения затянувшихся случаев отказов в воссоединении семей и в браках с иностранцами, предусмотренное соглашениями увеличение обмена людьми и идеями так и не осуществилось. Индивидуальным лицам так же трудно получить разрешение на поездку за границу, как и прежде. Столь же ограничено, как и прежде, распространение в странах Восточной Европы западных публикаций и прочего вида информации. Продолжается глушение радиопередач. Желающие эмигрировать из Советского Союза продолжают испытывать преследования и неудобства вплоть до момента пересечения ими границы, и число лиц, получающих разрешения на выезд из СССР (по крайней мере это относится к евреям), столь неизменно, что представляется весьма вероятным, что введены произвольные эмиграционные квоты.

В более широком смысле основные права человека — свобода мысли, совести, религии и убеждений, — которые обязались уважать страны, подписавшие соглашения в Хельсинки, остаются в коммунистических странах столь же резко ограниченными, столь же подвергнутыми подавлению, как и в прошлом. Однако основное значение подписанных соглашений заключается в формальном признании ими концепции международной безопасности, основанной на общей заинтересованности в свободе личности. Из подписанных соглашений вытекает, что соперничество Востока и Запада может быть уменьшено и ограничено, если страны по обе стороны от идеологической границы примут и будут соблюдать более общепринятый способ обращения со своими собственными гражданами.

Такая перспектива не обязательно представляет собой пустые мечтания. Конечно, подобных изменений нельзя добиться очень быстро. Но можно добиться равномерного протекания этого процесса и можно поощрять его, если правильно использовать давление. Посредством публичной оценки продвижения вперед или вспять той или иной страны Хельсинкская комиссия может вносить свой вклад как в дело осознания важности этого процесса, так и, быть может, влиять на его темп. Однако столь же важную роль в превращении обещаний, сделанных в Хельсинки, в более близкую действительность могут сыграть частные груп-

пы, такие как Международная лига прав человека.

Основная ответственность за воплощение в отдельной стране в жизнь принципов Хельсинки и подписанных соглашений лежит на правительстве этой страны. Но чтобы заставить это правительство действовать, правительства других стран должны регулярно и настойчиво напоминать ему о том, какие действия от него ожидаются и какие не последовали. К сожалению, западные правительства стараются ограничить свои диалоги с правительствами восточно-европейских стран торговыми и дипломатическими вопросами — отдельные исключения в ряде случаев воссоединения семей или получивших широкую огласку случаев репрессий к инакомыслящим не меняет общей картины. Мы можем ожидать, что американские должностные лица будут поднимать на дипломатическом уровне вопросы, связанные с обещаниями по правам человека, содержащимися в подписанных в Хельсинки соглашениях, только в том случае, если американское общественное мнение окажет давление на правительство Соединенных Штатов и заставит его добиваться подлинного прогресса в этих вопросах. Хельсинкские соглашения сделали эти вопросы законным предметом для дипломатических переговоров, но, чтобы добиться получения удовлетворительных ответов, заинтересованные частные группы на Западе должны будут приложить немало усилий в этом направлении и быть всегда хорошо информированными в сути дела.

Самое большее, что можно ожидать от Хельсинкской комиссии, — это добиться понимания того, что правительства должны проявлять действительную и серьезную заботу об этих вопросах. Комиссия не может добиться того, чтобы советское правительство — или, скажем, правительства Швеции или Италии — начало проявлять больше терпимости в вопросах свободы религии. Однако комиссия с помощью заинтересованной в этом общественности может добиться того, что наше правительство и правительства других стран станут рассматривать вопросы прав человека как важнейшую составную часть международной безопасности. И это одно, если даже комиссия не достигнет никаких других результатов, будет представлять собой здоровое преобразование методов и целей международной политики.

РЕЗОЛЮЦИЯ АМЕРИКАНСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПСИХИАТРОВ

В сентябре 1976 г. исполнительный комитет Американской ассоциации психиатров принял приведенную ниже резолюцию и направил ее д-ру Харольду Роуму, президенту Всемирной ассоциации психиатров. В своем сопроводительном письме президент Американской ассоциации психиатров отмечает угрожающие свидетельства того, что в некоторых странах психиатрические и иные учреждения на самом деле используются для наказания лиц за их религиозные, этические, общественные и политические убеждения. Широкой огласке были подвергнуты подобные обвинения в адрес Советского Союза, но становится ясным, что то же самое может относиться и к некоторым другим странам. Президент Американской ассоциации психиатров говорит о своем убеждении в том, что тщательное рассмотрение подобных обвинений под эгидой Всемирной ассоциации психиатров поможет в значительной степени остановить подобную практику в мировом масштабе.

”В своих предыдущих выступлениях Американская ассоциация психиатров (ААП) недвусмысленно осудила злоупотребление психиатрическими диагнозами и помещение в психиатрические учреждения как средство пропаганды, устрашения и наказания. Например, в декабре 1971 г. ААП приняла следующую резолюцию:

”Американская ассоциация психиатров твердо выступает против злоупотребления психиатрией для заключения людей только на основе их политического инакомыслия, где бы это ни происходило.”

Через пять месяцев, в апреле 1972 г., ААП приняла резолюцию, сформулированную в более сильных выражениях:

”Мы обратились с просьбой к президенту Всемирной ассоциации психиатров довести до сведения всех национальных обществ — членом ассоциации нашу позицию, выраженную в резолюции 1971 г., и просить их поддержать выраженные в ней принципы. ААП считает необходимым, чтобы соответствующая международная организация сформировала надлежащим образом укомплектованное агентство, в задачи которого входила бы выработка стандартов и руководящих принципов, приемлемых для всех стран, с тем, чтобы как можно лучше оградить насильственную госпитализацию от влияния политических факторов; другой задачей агентства был бы прием от индивидуальных лиц или соответствующих национальных организаций жалоб на принудительное применение психиатрии в политических целях и расследование этих жалоб”.

ААП с удовлетворением отмечает, что недавние международные соглашения сделали возможным улучшение связи, увеличение обмена информацией и визитов на местах. В связи с этими обнадеживающими событиями, ААП вновь настоятельно призывает психиатрические и другие профессиональные общества и психиатров во всех странах мира объединиться в согласованных и эффективных усилиях, чтобы остановить использование психиатров и других специалистов для задержания, содержания в заключении и наказания лиц за их религиозные, этические, общественные или политические взгляды, убеждения. ААП выражает готовность взять на себя начальные действия и координацию этих гуманных усилий.

С этой целью ААП обращается к Всемирной ассоциации психиатров с настоятельной просьбой поддержать созыв во время приближающейся встречи психиатров на Гавайях открытой сессии с целью обсуждения злоупотребления психиатрией, психиатрическими учреждениями и специалистами, в какой бы стране это ни происходило.

Далее, мы призываем Всемирную ассоциацию психи-

атров и организации, являющиеся ее членами, занять позицию, выраженную в резолюциях ААП от декабря 1971 г. и апреля 1972 г.

Как нам известно, следующее заседание исполнительного комитета Всемирной ассоциации психиатров состоится в ноябре этого года. Мы выражаем нашу серьезную надежду на то, что настоящая просьба будет включена в повестку дня этого заседания и что по ней будет принято положительное решение.”

ЗАЯВЛЕНИЕ БУКОВСКОГО

Мое освобождение в обмен на освобождение Луиса Корвалана кажется мне беспрецедентным не только потому, что советское правительство впервые и наглядно признало факт существования в Советском Союзе политзаключенных, но еще и потому, что в международной практике до сих пор, по-моему, существовал только обмен разведчиками, т. е. освобождение и высылка иностранных подданных. Впервые создан прецедент освобождения и высылки своего гражданина в обмен на такие же действия другого правительства.

Меня уже не раз спрашивали, как я отношусь к такому обмену, объектом которого оказались Луис Корвалан и я. Я уже отвечал и могу снова повторить, что я рад любому варианту освобождения политзаключенных, рад не только тому, что освобожден я, но и тому, что одновременно освобожден еще один человек, преследуемый за убеждения, вне зависимости от того, как я отношусь к его убеждениям. Поэтому я безусловно поддерживаю новое предложение об обмене чилийского коммуниста Хорхе Монтеса на кубинского политзаключенного Хьюберта Матаса.

Может быть, осуществление этого второго обмена окажется еще важнее первого и единичного.

Я призываю всех, кому дороги принципы Всеобщей декларации прав человека, поддержать это предложение и помочь еще двум политзаключенным выйти на свободу.

Цюрих, 20 декабря 1976 г.

Владимир Буковский

СОВЕТСКИЙ ЮРИСТ О ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ В СССР*

Только что закончился двухнедельный ознакомительный визит во Францию заместителя председателя советской ассоциации юристов, профессора права Самуила Зивса. Г-н Зивс ответил специально для журнала "Нувель Обсерватор" на вопросы о репрессиях, которые обрушились на диссидентов в СССР.

— Сколько политических заключенных в СССР?

С. Зивс: У вас, на Западе, совершенно искаженное представление о количестве лиц, находящихся в заключении за правонарушения или преступления против государства или общественного порядка. Организация "Амнести Интернейшнл" приводит число в десять тысяч...

— По меньшей мере, десять тысяч. Это что, преувеличено?

С. Зивс: Разумеется. Знаете ли вы, как они получили эту цифру? На основании аэросъемок, так сказать, пенитенциарных учреждений американская разведовательная служба пришла к заключению, что у нас имеется от двух до трех миллионов заключенных. "Амнисти" округлила эту цифру до миллиона и разделила этот миллион на сто, так как в 1957 г. один из наших прокуроров сказал одному гарвардскому профессору, что политические заключенные составляют не более одного процента общего количества наших заключенных. Согласитесь, что это несерьезно.

— Так как же надо подсчитывать?

С. Зивс: Достаточно взять число лиц, осужденных за распространение лживой клеветнической информации о Советском Союзе или призывавших к совершению преступлений против нашего строя. Это число не превышает нескольких десятков.

*Перевод из Le Nouvel Observateur, November 29, 1976 с разрешения; Copyright © 1976 Le Nouvel Observateur.

— Несколько десятков — это как раз число дел и имен, известных на Западе.

С. Зивс: Да, эти случаи известны на Западе, в этом нет секрета. Мы вполне допускаем критику нашего строя или Конституции: у нас не сажают за убеждения. Те лица, которых вы называете политзаключенными, осуждены на основании статей 70 или 190-1 нашего Уголовного кодекса, которые направлены против агитации или пропаганды, имеющей своей целью свержение или ослабление советской власти, и систематического распространения заведомо ложных измышлений, порочащих государственный и общественный строй. Вы видите, что речь идет о совершенно точных формулировках, предусматривающих набор охарактеризованных правонарушений.

— Это не так очевидно, как вы говорите.

С. Зивс: Эти люди связаны с организациями, во время войны боровшимися против СССР и советского общества. Это последователи союзников нацизма. Смотрите (Самуил Зивс вынимает из своего портфеля папку с вырезками из французской прессы). Поглядите на заявление Плюща в зале Мютюалите в феврале этого года. Что он говорит? Что его цель — освобождение Мороза, Буковского и Глузмана. Я цитирую.

— В чем же здесь преступление?

С. Зивс: Но следует отметить, что Мороз связан с фашистскими организациями, которые сегодня окопались в Мюнхене. Вот смотрите (Самуил Зивс вновь открывает свой портфель): он печатается в Мюнхене. Вот что он пишет. *(Цитата не приведена.)*

— Советская Конституция предусматривает возможность выхода из Союза тех республик, которые этого пожелают. Валентин Мороз не совершил ничего антиконституционного тем, что он, в письменном виде, призывал к большей автономии или даже независимости Украины.

С. Зивс: Я согласен, что предложение использовать Конституцию является вполне нормальным делом. Но существуют пределы. Мне не хотелось бы критиковать вашу страну, но когда я читаю в переходах на станции метро Севр-Вавилон "смерть евреям" — это меня поражает. Если вы так понимаете свободу, это ваше дело. Но с нашей точки зрения свобода имеет пределы, которые нельзя преступать: например, шовинизм.

— Вы говорили также о Буковском и докторе Глузмани.

Первый из них осужден за то, что сообщил о заключении инакомыслящих в психиатрические больницы; второй — за психиатрическую контр-экспертизу генерала Григоренко. В чем заключается их преступление или их "шовинизм"?

С. Зивс: Буковский осужден за подстрекательство в письменном виде к террористической деятельности, а Глузман — за систематическое распространение ложных сведений.

— Признается ли советской Конституцией право на манифестации?

С. Зивс: Безусловно.

— В августе 1968 г. советские граждане, которые хотели провести на Красной площади демонстрацию протеста против вашего вторжения в Чехословакию...

С. Зивс (со смехом): Вы знаете, сколько их было?

— Пятеро или шестеро.

С. Зивс (смеется еще громче): Ну вот!

— Речь идет о безусловно мирной демонстрации, не составлявшей никакой угрозы безопасности государства.

С. Зивс (хохочет): Ну конечно, не составляла!

— Тогда почему же демонстрантам было предъявлено обвинение и они были осуждены?

С. Зивс: Следует сказать, что в любой стране мира правосудие отражает состояние общественного мнения. Вы помните, что общественное мнение в нашей стране энергично поддержало политику нашего правительства, которую оно решило проводить в тот момент. Наше общественное мнение увидело в этой манифестации серьезную антисоветскую клевету.

— Что же может делать советский гражданин, несогласный с действиями правительства, кроме как молча думать об этом, если он не хочет подпасть под действие статей 70 и 190-1?

С. Зивс: Есть множество способов: можно направлять письма в правительство или газеты. Все зависит от способа действий.

— Ваша Конституция признает право на ассоциации. Почему же советская секция "Амнисти Интернейшнл" была признана незаконной?

С. Зивс: Эти люди никогда не пытались оформить организацию законным путем.

— А если бы они сделали это?

С. Зивс: Это гипотезы. Но у нас довольно мало симпатий к "Ам-

ности Интернейшнл": эта организация распространяет в полном смысле слова лживую и клеветническую информацию о нашей стране.

— Чтобы положить конец этой "клевете", не было бы лучшим средством — принять международную делегацию юристов, способных составить беспристрастный отчет?

С. Зивс: Наиболее полную информацию можем представить мы, советские юристы. Мы будем рады принять у себя западных юристов и обеспечить посещение ими пенитенциарных заведений. Впрочем, мы уже делали это. Но мы не принимаем то, что нам желают навязать любой ценой.

— Если дело сводится только к способности этой делегации правильно отразить положение дел, возьмите на себя инициативу по приглашению.

С. Зивс: Весь этот шум, поднятый определенными лицами на Западе, отнюдь не бескорыстен. Знают ли те, кто чистосердечно симпатизирует так называемым диссидентам, что газета, проявляющая о них наибольшую заботу, — это орган генерала Пиночета "Эль Меркурио"? Я говорю об этом с полным знанием дела, так как я живо интересуюсь серьезными нарушениями прав человека в Чили.

— Если фашистская газета тоже пишет о том, что дважды два — четыре, это не становится неверным.

С. Зивс: Разумеется, это так. Но если фашист говорит, что разрядка напряженности — это преступление против человечества, и Сахаров утверждает то же самое, это о чем-то свидетельствует. И потом, видите ли, все на Западе твердят нам об инакомыслящих. Они ничего не значат в советской действительности.

— А не удивляет ли вас как юриста, что по политическим делам следствие производится работниками КГБ?

С. Зивс: КГБ представляет собой, в сущности, следственный отдел, который проводит свою работу в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом и под контролем прокуратуры. Но административные и юридические функции никак не смешиваются, так как советские прокуроры абсолютно независимы; они назначаются Генеральным Прокурором, который, в свою очередь, назначается на семь лет Верховным Советом. Наши прокуроры совершенно избавлены от всякого давления на местах.

– Как получается, что в политических процессах никогда не соблюдается гласность слушания?

С. Зивс: Она соблюдается всегда.

– Но не для друзей обвиняемого и иностранных корреспондентов.

С. Зивс: На Западе говорят, что КГБ занимает все места заранее. Это довольно глупо. Все залы заседания во всем мире имеют ограниченную вместимость. Все же у нас, в Советском Союзе, залы заседания больше, чем у вас.

– Считаете ли вы Леонида Плюща сумасшедшим?

С. Зивс: Я не психиатр. Я могу только сказать, что был поставлен диагноз, что я не имею никаких оснований подвергать этот диагноз сомнению и что впоследствии Плющ был признан выздоровевшим. Задолго до своей известности Плющ, с возраста шестнадцати лет, лечился в связи с психиатрическим заболеванием. Обвинения в произвольном помещении Плюща в психиатрическое заведение смехотворны и оскорбительны для советской психиатрической школы, у которой всемирная репутация. Для подобных трюков врачи не годятся. И для чего нам нужно было бы помещать психически здоровых людей в заведения для умалишенных? Это бессмыслица. Но если у правонарушителя имеется психическое заболевание, его, естественно, нужно лечить. При этом соблюдаются все необходимые юридические гарантии.

– Не кажется ли вам странным диагноз "мания реформизма"?

С. Зивс: Мне и одному нашему психиатру задавал этот вопрос один западный деятель. Этот вопрос совершенно не заслуживает ответа. Диагноз "мания реформизма" вовсе не был изобретен советскими психиатрами. Его пустил в ход знаменитый австрийский психиатр в конце XIX века. Это действительно болезнь, если человек желает реформировать все и вся: семью, уличное движение и тому подобное. Это определенно проявление душевной болезни.

Нувель Обсерватор, 21 ноября 1976г.

СОВЕТСКИЙ ФИЛОСОФ О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА В СССР

Известный в советских ученых кругах советский философ А. Кольман, недавно ставший невозвращенцем и пребывающий теперь в Швеции, направил Л. Брежневу следующее открытое письмо*.

*Генеральному секретарю ЦК КПСС
Л.И. Брежневу
Москва – Кремль.*

Довожу до Вашего сведения, что выхожу из КПСС.

Мне 84 года, в коммунистической партии я состою 58 лет. Я вступил в нее, чтобы бороться за социальную справедливость, за счастливую жизнь людей. Теперь, после долгих и мучительных размышлений, я пришел к этому нелегкому для меня решению.

Я родился в Праге, в Россию попал в первую мировую войну как военнопленный. При Керенском я отбывал за антивоенную пропаганду полгода одиночного заключения и был освобожден Октябрьской революцией. В Красной армии я сражался на четырех фронтах за советскую власть. В 20-х годах работал нелегально в Германии, был членом ЦК КПГ, был осужден на 5 лет каторги, но после полугода одиночки меня обменяли. Я занимал ответственные идеологические должности в Коминтерне, в ЦК ВКП(б), в Московском комитете партии, в Академии наук СССР, избирался членом Московского комитета партии, Московской контрольной комиссии и московских райкомов партии. Знал лично В.И. Ленина, работал с Н.К. Крупской и с Н.С. Хрущевым и др. Во время последней войны работал в Политуправлении армии по разложению войск противника. Именно в это время в концлагере Гитлером была сожжена моя

* По-русски впервые опубликовано РМ № 3123, 1976 г.

сестра, а Сталиным был убит мой брат — один из основателей Чехословацкого коммунистического союза молодежи.

С 1945 г. я в Праге три года заведовал Отделом пропаганды ЦК КПЧ. В 1948 г. я был в Праге арестован, вывезен в Москву, где без суда просидел три с половиной года на Лубянке, первые три года из них — в одиночке. В это время моя жена и малолетняя дочка были сосланы в Ульяновск, где жили в ужасных условиях. После реабилитации я снова стал работать в Чехословакии директором Института философии ЧС АН. С 1963 г. я живу на пенсии в Москве.

Уже с разоблачения Хрущевым кровавых преступлений Сталина, вежливо прозванных "культом личности", я постепенно начал понимать, насколько глубоко переродились КПСС и советская власть, и что я как член партии несу долю ответственности за это.

Однако поворотным пунктом для меня явился 1968 год, когда я имел возможность собственными глазами наблюдать за "пражской весной" и видел, с каким воодушевлением и единством чехословацкий народ поддерживал стремление КПЧ возродить социалистические идеалы и построить социализм с человеческим лицом. Когда же Ваши танки и армии оккупировали Чехословакию, подчинив ее своему политическому диктату и нещадному экономическому грабежу и превратив ее фактически в свою колонию, я полностью потерял всякие иллюзии о сущности Вашего режима.

Я понял, что КПСС давно перестала быть политической партией, а превратилась в общество содействия "досрочному выполнению пятилеток". Ее члены, съезды и даже ЦК не оказывают почти никакого влияния на политику КПСС, которую определяете Вы лично с горсткой правящей верхушки.

И о каком вообще социализме в СССР может быть речь, когда вместо прежних эксплуататорских классов капиталистов и помещиков появились привилегированные касты партийных и советских бюрократов, утопающих в достатке, обособленных от народа, стоящих над народом и презирающих его и не способных и не желающих понимать его нужды и страдания?

О каком социализме может быть речь, когда Вы продолжаете сталинскую тоталитарную диктатуру внутри страны и его великодержавную политику вовне?

В СССР нет элементарных демократических прав: вместо выборов — голосование за навязанных сверху кандидатов; отсутствие гласности в политической жизни; запрещение забастовок и подчинение профсоюзов интересам государства; запрещены политические дискуссии, над всем властвует универсальная цензура, правдивая информация подменяется пропагандой лжи и полуправды. В СССР грубо нарушаются основные права человека: инакомыслящие жестоко преследуются, десятки тысяч из них томятся в тюрьмах, лагерях, психиатрических тюрьмах, в том числе — из-за религиозных убеждений. В стране на шестидесятом году советской власти не существует элементарной интеллектуальной свободы и свободы творчества. Разве не позор, что лучшие деятели культуры СССР, как Солженицын, Ростропович, Некрасов, Неизвестный и десятки других, вынуждены эмигрировать за границу?

В области национальной политики вся история СССР — это непрерывная цепь территориальных аннексий, насильственных присоединений чужих земель, угнетений и дискриминации многих национальностей — крымских татар, немцев Поволжья, евреев, народов Прибалтики, Кавказа, Средней Азии и др. Все это делает из СССР не меньшую тюрьму народов, чем когда-то была царская Россия.

Разглагольствуя о "разрядке международной напряженности" и о "мирном сосуществовании", СССР на самом деле усиленно накапливает ядерное и ракетное оружие, разрабатывает новые средства массового уничтожения и готовится к агрессивным войнам. СССР содержит многочисленные войска за своими пределами, создает все новые и новые военные базы в Европе, Азии и Африке, подготавливает оккупацию Румынии и Югославии и под видом "бескорыстной помощи" национально-освободительным движениям и развивающимся странам совершает многочисленные попытки проникнуть и установить свое военное и политическое господство в самых разнообразных районах мира, поставляет оружие и поддерживает наиболее реакционные режимы и международных террористов.

Политические и социальные структуры в стране находятся в состоянии продолжительного застоя. СССР представляет собой один из самых консервативных режимов в мире с престарелым руководством.

Ваши претензии на гегемонию в международном коммунистическом движении, на его полное подчинение конъюнктурным интересам КПСС и советского правительства привели, как это показало недавнее совещание коммунистических партий в Берлине, к тому, что ряд крупнейших коммунистических партий Западной Европы начал открыто отмежевываться от КПСС и от советской модели социализма.

Вполне закономерно, что при этих условиях и колоссальных, все возрастающих затратах на содержание армии, огромного аппарата КГБ, а также — государственного и партийного аппаратов экономическое положение в стране все ухудшается. Инфляция и дороговизна, официально отрицаемые, на деле все возрастают. Производительность труда в промышленности крайне низка, промышленная продукция плохого качества и значительно отстает по техническим параметрам от аналогичной продукции на Западе. Разве не трагедия, что на шестидесятом году после революции сельское хозяйство бывшей житницы Европы не в состоянии обеспечить население хлебом, мясом, рыбой и даже картофелем? Советская власть не способна наладить нормальное снабжение даже больших городов (о деревнях и малых городах нечего и говорить) продовольствием, фруктами, овощами, одеждой, мебелью, промышленными товарами и даже медикаментами.

Разве все эти факты можно обойти молчанием и не сделать из них выводов?

Я не собираюсь отрицать тех успехов, достигнутых СССР в области ликвидации неграмотности, образования, науки, техники, улучшения жилищных условий у значительной части населения. Но не хлебом единым жив человек... Он должен иметь возможность сказать то, что он думает во всеуслышание, написать то, что он думает, прочесть то, что он желает, написать, куда и что ему хочется, выбрать себе местожительство по собственному желанию и поехать, куда захочет, — но вот мы сегодня снова, как при Сталине, боимся, прячем свои рукописи, перестаем доверять друг другу, пишем пустые письма, опасаясь цензуры, рвем отношения с друзьями... Разве не бесчеловечно отбирать у родителей детей, препятствовать воссоединению семей, отказывать в выездах за границу к родственникам, месяцами,

а то и годами лишать родственников политических заключенных свиданий с ними и даже переписки? Что же это такое? И можно ли жить в таких условиях? И сколько можно жить так? Я не могу больше!

Мое решение выйти из коммунистической партии никак не означает, что я расхожусь с идеалами социализма, с которыми я ознакомился еще в 1910 году и которые с тех пор составляли главное содержание моей длинной и бурной жизни.

Как раз наоборот. Я пришел к твердому убеждению, что мое дальнейшее пребывание в рядах КПСС означало бы предательство идеалов социальной справедливости, гуманизма и построения нового, более совершенного человеческого общества, к которым я, несмотря на все мои ошибки и заблуждения, стремился в течение всей своей жизни.

22.9.1976 г.

А. Кольман

□ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ "ХРОНИКА"

ВАЛЕРИЙ ЧАЛИДЗЕ

'ЛЕКЦИИ О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ РАБОЧИХ В СССР'

1976, цена 3.00

О РЕГИСТРАЦИИ БРАКА ЗАКЛЮЧЕННЫХ*

Запрос Верхоляка в Президиум Верховного Совета СССР

В течение многих лет я тщетно пытаюсь добиться регистрации брака с собственной женой, с которой с 1953г. состою в фактическом браке. Ст.10 Основ законодательства о браке и семье Союза ССР и союзных республик не содержит запрета на регистрацию брака с осужденными. В то же время ст. 14 Основ, регламентирующая прекращение брака, содержит особое указание об осужденных. Представляется, что отсутствие категории "осужденные" в ст. 10 Основ не является случайным, а сознательно предусмотрено законодателем и вытекает из положений Конституции СССР. В этой связи прошу разъяснить, является ли правомерным существование нормативно-ведомственного акта — приказа Министерства внутренних дел, запрещающего осужденным регистрацию брака.

Июнь 1976 г.

* * *

Дмитро Верхоляк

Приказ Министерства внутренних дел СССР за 1969 год

СОДЕРЖАНИЕ

№ 238 О порядке и условиях регистрации брака заключенных в исправительно-трудовых учреждениях .

№ 238 11 июля 1969 г. г. Москва.

В целях укрепления фактически сложившихся семей у лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, —

приказываю:

1. Предоставить право министрам внутренних дел союзных и автономных республик, начальникам управлений внутренними делами крайоблсполкомов и управлений лесных исправительно-трудовых учреждений в исключительных случаях разрешать заключенным регистрацию брака с лицами, совместно проживавшими с ними до ареста и имеющими детей.

* Ранее становилось известно о других казусах такого рода. Не мог, например, зарегистрировать свой брак Юрий Вудка с Аллой Гуревич. Лишь после длительной голодовки добился регистрации брака Александр Гинзбург с Ириной Жолковской. Ни исправительно-трудовое, ни семейное законодательство СССР и РСФСР не содержат ограничения права заключенных на регистрацию брака. Здесь публикуется приказ Министерства внутренних дел по этому поводу.

ОБРАЩЕНИЕ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННОГО СВЯЩЕННИКА РОМАНЮКА

*Всемирный Совет Церквей
"Международная Амнистия"
Международная организация юристов*

*от безвинно репрессированного
священника Василия Романюка*

Уже пятый год я сижу безвинно в тюрьме, и вся моя вина в том, что я, священник — человек инакомыслящий, отважился выступить в защиту безвинно репрессированного украинского историка В. Мороза. Местные партийные бюрократы охарактеризовали меня как "неудобную личность для социалистического общества", а потом уже работники КГБ стали собирать на меня разные смехотворные сплетни десятилетней давности, то есть начали спрашивать у разных людей, которые знали меня, что я говорил и думал десять лет тому назад, и так цинично и легко на меня было составлено так называемое "уголовное дело", и я был наречен "особо опасным государственным преступником". То есть приравняли меня к убийцам, диверсантам и насильникам. И это только за одни разговоры и мысли, о которых они узнали от сторонних людей или прочитали в моих записках. Причем такое издевательство совершается надо мной не впервые. В 1944 г. меня, сына крестьян-бедняков, безвинно арестовали в военкомате, тоже по характеристике коммунистов — изменников украинского народа, на совести которых сотни тысяч невинных жертв, расстрелянных или погибших в концлагерях. Они охарактеризовали меня как националиста-церковника, и это было достаточно, чтобы мне дали десять лет, а моих родителей сослали в Сибирь, где от непосильного труда и голода умер мой отец, а малолетнего брата убили коммунистические каратели только за то, что убежал из дому, когда вы-

возили родных. В 1945-46 гг. я находился в лагере на Полтавщине, и только за то, что я рассказал кое-кому из заключенных о том, как надо мной издевались на следствии, и о беззакониях, которые совершались над моими родными, меня обвинили в "антисоветской пропаганде" и специальным лагерным судом осудили вторично. Следователь набрал в лагере "свидетелей" из разных уголовных преступников, и они говорили то, что ему требовалось. Следствие и суд — как первый, так и второй — велись только на русском языке, которого я тогда не знал. Обвинительного заключения и приговора мне на руки никто не давал. Словом, судили тогда за то, что я решился роптать на беззакония, совершенные надо мной.

Вот что такое советская власть: они считают, что имеют право совершать над человеком любые беззакония и человек не имеет права обличать их за преступления, которые они совершают против него. Они требуют, чтобы репрессированный не возмущался, а, наоборот, восхвалял советскую власть, что она удостоила его сидеть безвинно в тюрьме. Трудно сказать, чего здесь больше, подлости или наглости. Знаю только одно, что нормальному человеку это в голову не вкладывается, а поэтому считаю своим долгом священника и верующего изложить на этот счет свои мнения мировому христианству и всем международным институтам, стоящим на страже справедливости и мира, ибо подобных судеб в этой стране миллионы; и если тогда, в военный период и первые годы после войны, кривая совестью, они могли оправдать эти беззакония, то теперь, в последней четверти 20-го столетия, этому не может быть никакого оправдания. Только тупая бездушность и дикая жестокость могут ввергать человека на долгие годы в концлагеря за безвинные мысли и убеждения, высказанные друг другу. Никакого мира и дружбы между народами немыслимо до тех пор, пока люди будут попирают справедливость и угнетать друг друга; а именно такое делается в СССР — стране, которая демагогически именуется оплотом мира, а у себя дома попирает всякую справедливость и элементарные человеческие права. Жестокость этого режима не имеет границ, они способны на любые преступления против мира и человечества. Примером этому является моя собственная судьба и многих других, мне подобных.

Я написал сотни писем в различные советские инстанции,

надеясь хоть где-нибудь найти мельчайшую крупицу совести или человеческого сочувствия, но все тщетно. Со всех инстанций мне строчили бездушные стереотипные ответы, от которых веяло жестокостью, цинизмом и бесчеловечностью.

Коммунистическая тирания вечно ищет объектов для запугивания своих подданных. И таким объектом были избраны я и многие другие, репрессированные в последние годы за свои убеждения. И когда другой раз читаешь в советской прессе, где они хвастаются возрастающим авторитетом коммунистических партий в некоторых странах Западной Европы и Латинской Америки, то поневоле задаешься вопросом — знают ли все те избиратели, которые отдают свои голоса за коммунистов, что падет на несчастных, когда они придут к власти? Правда, некоторые утверждают, что западные коммунисты "хорошие", они мол... не такие, как советские, они "настоящие". Интересно только одно, почему эти "настоящие" или "хорошие" молчат, как воды в рот набрали, когда их собратья по убеждениям и классу совершают такие страшные преступления против человеческой личности? Ведь то попрание элементарных человеческих свобод, которое теперь совершается в СССР, не может быть простимым ни с какой точки зрения, ибо это вызов всему международному сообществу, который сеет недоверие и подозрительность во всем мире.

Я уже четыре года подряд требую, чтобы мне разрешили пользоваться Библией и журналами Московской патриархии, объявлял по этому поводу голодовки. Но администрация лагеря заявляет мне: "Голодайте сколько вам угодно, хоть умирайте, а Библии вы не получите, ибо лагерь — это советское учреждение, и религиозная литература здесь запрещена". Интересно, что бы делали коммунисты, если бы где-нибудь их последователей посадили в тюрьму только за их коммунистические убеждения и вынудили их держать изнурительные голодовки с требованием сочинений Маркса и Ленина?

Мне, как и всем другим репрессированным, не выдают писем и телеграмм от родственников и знакомых из-за рубежа. Все рождественские и пасхальные поздравления, присланные мне из-за рубежа, конфискованы или возвращены обратно. Кроме того, работник оперчасти лагеря заявил мне: "Эти поздравительные открытки мы вам отдавать не будем, ибо они рели-

гиозного характера”. Но все это пустой разговор — мне вообще никакие письма из-за рубежа не дают, независимо от их содержания. Мне всего-навсего за все эти годы выдали только два письма из-за рубежа. Более конкретно мне на эту тему заявил начальник КГБ Дубравлага полковник Дротенко: ”Никаких писем из-за рубежа мы вам отдавать не будем, чтобы вы не гордились, что у вас мол много сочувствующих”. Вот так на практике выглядит свобода совести в СССР.

Так на деле Советский Союз выполняет Заключительный Акт Общеввропейского совещания во всех гуманитарных вопросах. Напротив, еще до подписания этого Заключительного Акта чувствовалась хоть мало-мальски какая-то сдержанность. Тогда еще кое-кому прорывались письма из-за рубежа, а теперь на эту тему даже говорить не хотят. А попрание элементарных человеческих свобод набирает и приобретает все более жестокие формы. Так было накануне визита Никсона в СССР, когда на Украину и другие места Советского Союза были обрушены известные репрессии. На следствиях тогда всем говорили: смотрите, какой авторитет у нашей страны, даже Никсон к нам едет на поклон. И все суды над инакомыслящими начались только после завершения визита президента США. Так что дружественный визит главы свободного государства был использован для попрания и до того поправных человеческих свобод.

От себя лично и от имени всех узников, находящихся здесь, прошу прислать специальных представителей для встречи с нами, чтобы вы могли воочию убедиться во всем том, что здесь сказано. Если не можете никак облегчить нашу судьбу, то помогите нам, чтобы мы могли хотя бы получать письма от родственников и знакомых из-за рубежа.

Прошу ВСЦ и все вышеназванные международные организации — помогите мне встретиться с представителями Церкви, корреспондентами или журналистами.

С верой и надеждой на Вас священник *В. Романюк*.

P.S. Должен напомнить Вам, что за подобные обращения нам грозят повторные репрессии: суд, отправка в закрытую тюрьму или психиатрическую больницу и т. д. Так что прошу не оставить нас без защиты.

ОБРАЩЕНИЕ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ МОРДОВИИ

В Комиссию по защите прав человека при ООН от политзаключенных конц. лагеря особого режима, СССР, Мордовская АССР, п. Сосновка, п/я ЖХ-385/1-б (адрес для зарубежных писем: СССР, г. Москва, п/я ЖХ-5110/1).

Жестокое попрание элементарных прав человека и гражданских свобод в масштабах всей страны, тысячи безвинных жертв, томящихся в концлагерях и в застенках Владимирской тюрьмы только за убеждения, нечеловеческие условия обращения и содержания в местах лишения свободы заставляют нас, политзаключенных советского режима, апеллировать к авторитетной международной организации с изложением истинного положения дел в стране, которая подписала ряд международных договоров, касающихся прав человека, и взяла на себя обязательство соблюдать и реализовать эти права, но вопреки этому творит беззакония — грубо попирает собственные гражданские свободы и права человека.

Концлагерь, в котором содержат нас, осужденных за государственные преступления, находится в Мордовской АССР, пос. Сосновка. Все содержащиеся здесь узники признаны особо опасными государственными преступниками-рецидивистами, осуждены на длительные сроки лишения свободы за деятельность, якобы направленную на подрыв существующего в СССР государственного строя. Фактически здесь нет ни одного человека, который бы действительно занимался антигосударственной деятельностью, принадлежал бы к какой-либо легальной или нелегальной группе или организации, направленной на подрыв советского строя. Все содержащиеся здесь люди являются жертвами произвола советского тоталитарного режима и в первую очередь органов КГБ и так называемых "народных" судов, которые являются непосредственным и послушным орудием

в руках КПСС, узурпировавшей право называться советским правительством и выступать от имени всего народа.

Большинство из содержащихся здесь узников — это люди, которые открыто в устной или письменной форме высказывали убеждения, и это оказалось достаточно для того, чтобы КГБ сфабриковал против них политические дела и учинил судебную расправу. Почти все заключенные осуждены при закрытых дверях, в тайне от народа.

Вот только некоторые из них:

Данила Шумук — осужден на десять лет лишения свободы и пять лет ссылки в Сибирь только за то, что описал только часть совершенных органами КГБ и МВД преступлений во времена культа личности Сталина против украинского народа и в советских концлагерях (каторжных).

Священник Василий Романюк — осужден на семь лет лишения свободы и три года ссылки в Сибирь только за то, что выступил на защиту безвинно осужденного Валентина Мороза.

Михаил Осадчий — осужден на семь лет лишения свободы и три года ссылки в Сибирь за опубликованное на Западе его литературное сочинение "Більмо".

Николай Евграфов — осужден на десять лет лишения свободы только за убеждения.

Богдан Ребрик — осужден на семь лет лишения свободы и три года ссылки в Сибирь за убеждения.

Петр Саранчук — восемь лет лишения свободы за убеждения.

Николай Курчик — с 1942 г. по сегодняшний день находится в заключении только за убеждения.

В застенках Владимирской тюрьмы томятся Валентин Мороз и Юрий Шухевич. 1-го июня 1976 г. политзаключенному В. Морозу закончился срок тюремного заключения, но вместо того, чтобы отправить его в концлагерь особого режима, КГБ направил его, совершенно здорового человека, в психбольницу.

А сколько узников томится в лагерях строгого режима в Мордовской АССР и Пермской области!

Есть в нашем концлагере люди, которые, будучи лишены возможности законным порядком уехать за пределы СССР, вынуждены были прибегнуть к нелегальным средствам, за что были осуждены к максимальным срокам лишения свободы. В основном, это люди еврейской национальности, страстно же-

лающие жить на земле своих предков — Израиле, за что жестоко поплатились:

Эдуард Кузнецов — 15 лет,

Юрий Федоров — 15 лет,

Алексей Мурженко — 14 лет лишения свободы.

(Кузнецов и Симукайтис — после замены смертной казни.)

Довольно значительный процент находящихся в нашем концлагере людей — это подлинные уголовные преступники. Эти люди, отбывавшие наказание за уголовные преступления в бытовых исправительно-трудовых колониях и доведенные администрацией колонии до отчаяния, вынуждены были в знак протеста делать на собственном лице татуировки антисоветского содержания (вроде: "Раб КПСС", "Раб СССР" и т. д.) или распространять листовки подобного содержания, за что вновь были осуждены как за политическое преступление и направлены для отбывания наказания в наш концлагерь. Это в основном малограмотные люди, к тому же наркоманы и психопаты.

КГБ кровно заинтересован в наличии этой категории людей среди контингента политзаключенных. Во-первых, они нужны КГБ для того, чтобы скрывать факт наличия диссидентов в стране и заявлять, что в СССР политзаключенных нет, а есть только уголовные элементы. Во-вторых, для психического террора людей, ничего общего не имеющих с преступным миром. Кроме того, из уголовников вербуются доносчики и провокаторы. Используя их, КГБ совершает всякого рода провокации против политзаключенных. Так, например, в 1975 г. КГБ, используя уголовника Бельмесова, организовал провокацию на пересылке Потьма против политзаключенного М. Осадчего. И только счастливый случай помог Осадчему избежать несчастья. Подобная провокация, организованная КГБ Владимирской тюрьмы, чуть не стоила жизни политзаключенному В. Морозу.

Нас подвергают ежедневным унижениям, специально создавая разного рода психотравмирующие факторы. Нас содержат в помещениях камерного типа круглосуточно под замком. Камеры сырые. Оправляться вынуждены в жилой камере, в "парашу". Проточной воды нет, что создает антисанитарные, невыносимо тяжелые условия.

Нас полностью изолировали от внешнего мира. Информацию получаем только ту, которую дает советская режимная пресса.

Получать зарубежную прессу, в том числе и из стран социализма, запрещено. Положен запрет и на получение религиозной литературы, издаваемой в СССР. По этому вопросу священник В. Романюк неоднократно прибегал к крайним мерам протеста — голодовке, на что представители КГБ ему ответили: "Умрешь здесь, а Библию не получишь". Более того, очень часто задерживаются или конфискуются письма от родных и близких. Поступающие письма из-за рубежа без всяких на то причин конфискуются или отправляются обратно отправителю. Например, священнику В. Романюку из массы поступающих на его имя писем со всего мира вручили только одно письмо из ФРГ и открытку из США. Политзаключенному Д. Шумуку отдают письма только от брата, проживающего в Канаде, а остальные конфискуют. Нам разрешено писать только одно письмо в месяц, и письма подвергаются строгой цензуре. Свидания ограничены до минимума. Часто администрация лагеря по указанию КГБ старается лишить права на получение свидания того или иного попавшего в опалу политзаключенного. В 1975 г. Ю. Федорова лишили свидания за то, что он голодовкой выражал свой протест против лагерного произвола. В. Романюка лишили свидания за то, что он как священник добивается разрешения иметь Библию.

Передачи и посылки до истечения половины срока наказания мы не имеем права получать, а после половины срока разрешена одна в год до пяти килограмм посылка с продуктами до минимума ограниченного ассортимента.

Питание получаем некалорийное и из испорченных продуктов.

Работать и выполнять установленную норму заставляют в обязательном порядке. Условия работы вредные: обработка хрустального стекла. Положенное за вредность спецпитание, а также дополнительное питание нам не выдается..

Мы испытываем постоянное недоедание и подвергаемся систематическому белковому и витаминному голоданию. Постоянное недоедание, а также некачественное питание способствуют различным заболеваниям. Многие болеют туберкулезом и содержатся вместе со здоровыми, пользуются одной посудой. Так, например, тяжело больного туберкулезом Цветкова держали вместе со здоровыми людьми почти до смерти. И только за

неделю до смерти его отправили в больницу "на лечение". В результате Цветков умер, а его сокамерники Демченко и Волобуев сейчас болеют открытой формой туберкулеза. А тяжело больного туберкулезом Зоричева в апреле с.г. отправили во Владимирскую тюрьму.

В нашем концлагере нет ни одного человека со здоровым желудком. Только в 1975 г. из-за того, что не была оказана своевременная медицинская помощь, умерли от язвы желудка и гипертонии Ершов — отсидевший за веру в Бога в советских концлагерях более тридцати лет, узники Пекарев и Васильев (Васильев умер прямо в камере № 9).

Практически мы как в концлагере, так и в так называемой центральной больнице "Дубравлага" лишены квалифицированной медицинской помощи. Нас там держат в камерах отдельно от других больных. А главврач Яковлев говорит: "Я в первую очередь чекист, а потом — врач". Лечат медикаментами с давно истекшим сроком годности, которых тоже не хватает. Политзаключенный П. Саранчук заболел в ... воспалением легких, и 7.4 его отправили в так называемую больницу, где он пролежал в камере 5 недель, за это время его 2 раза навещил врач; лечение — 5 таблеток от кашля и 50 г витамина "С". Ю. Федоров в это же время, т. е. с 7.5 по 4.6. 76 г., пролежал с температурой и с температурой 37,7 был выписан. (Причина выписки — не пошел на вызов к работнику КГБ нашего концлагеря, ст. лейтенанту Тюрину.)

Медперсонал является послушным орудием в руках КГБ. В результате врачи реагируют на болезнь того или иного политзаключенного так, как требует от них КГБ. Кроме того, не без ведома все тех же врачей в нашем концлагере среди психически здоровых людей содержатся юродивые, такие как: Шибанов Н., Леонтов М., Дмитриев М. и другие.

Как известно, политзаключенные (в том числе коммунисты) всех стран Запада пользуются статусом политзаключенного. В СССР — стране, которая выдает себя за самую гуманную и справедливую страну, политзаключенные содержатся на одинаковых правах и условиях с уголовными преступниками. Более того, за малейшую попытку коллективно отстаивать свои права или написание коллективных петиций мы подвергаемся опасности повторного осуждения, как за умышленную организацию беспорядков.

рядков в концлагере, по статье 77 прим УК РСФСР, которая предусматривает смертную казнь.

Все это творится в стране, где правящая партия не только на своих форумах, но и с международных трибун, в том числе и с трибун ООН, требует свободы политзаключенным других стран и больше всех ратует за уважение прав человека, а у себя внутри страны довела до полного отрицания права и свободы личности. В стране господствует невиданная в истории человечества диктатура. Кроме произвольных арестов и репрессий, карательные органы применяют практически все возможные формы террора по отношению к инакомыслящим, их родным и близким. Делается все возможное, дабы запретить людям сомневаться, протестовать и самостоятельно мыслить. Гонения на инакомыслящих не прекращаются. Как и во времена культа личности Сталина, в стране царит атмосфера недоверия и страха. Над человеком господствует насилие, лицемерие, грубый обман. Кровавое правление Ленина-Сталина оставило глубокий след в памяти народной. Погибли миллионы безвинных людей. Это породило всеобщий страх и подозрительность, в результате чего советские люди молчаливо подчиняются этой системе. В настоящее время советская власть делает все возможное для искоренения диссидентов, преследуют их избирательно, напористо и беспардонно. Страна наводнена провокаторами и доносчиками. Эти гонения лишней раз свидетельствуют о том, как боится грядущего возмездия за совершенные преступления против своего же народа руководящая страной верхушка КПСС.

Рабочие и крестьяне в СССР находятся на положении рабов, а диктаторский режим жестоко эксплуатирует их, что позволяет ему бросать неограниченные средства на военные цели и на искусственное разжигание классовой борьбы в странах Запада и в первую очередь в странах третьего мира. Как внутри СССР, так и в рамках "социалистического лагеря" КПСС тайно самым широким фронтом ведет подготовку к новой войне. Об этом свидетельствуют пропитанные духом милитаризма кинофильмы на экранах страны, радио-и телевизионные передачи, пионерские и комсомольские организации, сформированные на военный лад. И все те высокопарные заявления, воззвания и декларации о свободе, мире и справедливости, с которыми КПСС выступает на международных встречах, не более чем пропагандистский

трюк, цель которого отвлечь внимание стран свободного мира от истинного положения дел внутри СССР. Отсюда такое жестокое подавление гражданских свобод и прав человека внутри страны. Отсюда "образцовые" школы, предприятия и колхозы, создаваемые по методу потемкинской деревни для демонстрации "достижений" первого в мире "социалистического" государства различным делегатам и туристам.

Мы, узники советской реакции и произвола, обращаемся к Вам и просим направить в наш концлагерь и другие концлагеря СССР, где содержатся осужденные по сфабрикованным делам политзаключенные, *авторитетную международную комиссию для расследования преступлений, совершенных советской властью.*

Нас ... удивляет позиция, занятая органами... по защите прав человека при ООН по-отношения к СССР. Эта организация почему-то проявляет слишком много внимания к таким государствам как Чили, Израиль, Испания и т. д., в которых нарушения прав человека выглядят безобидным капризом ребенка по сравнению с тем, что творит с демократией и с правами человека КПСС внутри СССР. Даже после подписания Акта по безопасности и сотрудничеству в Европе в СССР продолжается попрание прав человека. Без зазрения совести советские карательные органы продолжают преследовать и судить людей за убеждения. Более того, на собраниях и лекциях партийных функционеров... спекулируют Совещанием по безопасности и сотрудничеству в Европе, подчеркивая, что с нами считается, вынужден считаться весь мир и то, что наша партия делает внутри страны, — это наше внутреннее дело.

Мы просим Комитет по защите прав человека при ООН выступить на защиту и пробудить в общественности стран свободного мира чувства солидарности и христианского сострадания в отношении всех жертв, томящихся в застенках тюрем и концлагерях советского режима только за свободомыслие и убеждения

Мы обращаемся в Вашем лице к поборникам свободы и демократии, верующим всех вероисповеданий, ко всем, кому дороги идеалы добра, правды и человеколюбия, ко всем людям доброй воли мира и просим объединить свои усилия в совместной борьбе против насилия, диктатуры и беззакония во имя

добра, мира и настоящей любви и сотрудничества между всеми народами нашей планеты.

*Узники концлагеря СССР в Мордовской АССР,
пос. Сосновка, п/я ЖХ-385/1-б*

P.S. Нас заставляют работать и выполнять нормы выработки, за что нам начисляют 50% тарифной ставки ... мы платим за ... одежду и питание. С нас вычитают деньги, а кормят гнилью и мякиной.

ЗАЯВЛЕНИЕ УКРАИНСКОГО ПОВСТАНЦА

Здесь публикуется заявление участника Украинской Повстанческой Армии (УПА)* М. Симчича, осужденного в 1949 году на 25 лет лишения свободы, а затем осужденного вновь и вновь.

М. Симчич не дискутирует осуждение его за участие в УПА, подчеркивая, что он действительно принимал участие в военных действиях. Автор жалобы оспаривает правомерность дополнительного лагерного осуждения на 10 лет за участие в коллективном сопротивлении заключенных террору уголовников.

(Сохранены стиль и орфография источника.)

В Президиум Верховного Совета СССР

Я, Симчич Мирослав Васильевич, 1923 г., родился в с. Верхний Березов Ивано-Франковской обл. За прямое участие в УПА в 1949 г. был осужден Ивано-Франковским Военным трибуналом по ст. 54-10-11 сроком 25 лет и 5 лет поражения в правах.

Заявление

Я обращаюсь к Вам с просьбой, но о ней в конце. А сначала вкратце суть дела. После суда я был отправлен для отбывания наказания в Магаданскую обл. на Крайний Север, где в условиях царившего лагерного произвола меня судила вторично Хабаровская выездная сессия по ст. 59-3-1б сроком на 10 лет. При совокупности с первой 25-летней судимостью.

Относительно первого срока, который я получил за борьбу в национально-освободительном движении (как известно, в России оно подавлялось, подавляется и будет подавляться), у меня претензий нет, ибо заранее знаю — это бесполезно. Но лагерная судимость инкриминировалась мне незаконно, и я обращаюсь к Вам с требованием ее пересмотра. Все произволы, по-

* Украинская Повстанческая Армия боролась за независимость Украины, во время войны эта армия вела активные действия против немецких войск, оккупировавших Украину, а затем — против советских войск. Сопротивление УПА было окончательно подавлено только в начале 50-х годов.

рожденные культом Сталина, были осуждены в СССР с высоких трибун. Я же с этим вторичным сроком являюсь их жертвой, потому что действующее законодательство предполагает максимальный срок 15 лет, а у меня — 30 лет и 3 дня. Мое пребывание здесь в заключении противоречит как нормам международного права, так и советского.

Вкратце об обстоятельствах, заставивших меня бороться за право называться собой, за свою жизнь. Осенью 1949 г. я был привезен на пароходе "Ногин" (? — неразб. — ...) из порта Ванино в Магадан. За это время, пока мы плыли, "воры в законе" многих ограбили и при этом зарезали несколько человек политических. Количества не знаю убитых, так как их тела сбрасывались под нары внизу, где плескалась вода полметра глубиной. По приезде в Магадан на пересылку нас всех ограбили, забрали вещи из мешков, сдирали одежду, оставив почти раздетых. В ... (неразб.) заключенные содержались вместе, независимо от статьи. Из Магадана нас отправили на прииск "Спокойный", где царил полный произвол, холод, голод, избиение и непосильный труд. Часто по несколько дней подряд нам не выдавали даже пайки хлеба, объясняя это отсутствием муки, не из чего испечь, но на работу тем не менее выводили. Начальник лагеря ст. лейтенант Исаев, не скрывая, говорил: "Мы привезли вас сюда для того, чтобы прикончить, выжать максимум на тяжелых работах". Нас гнали пешком на прииск, обязательно взявшись под руки, 8-10 км глубоким снегом, каждый день. Собаки рвали в лохмотья выбившихся из сил отстающих. В жилой зоне не было дров для отопления бараков, воды для питья, и мы несли их на себе в барак из леса (выходным считался данный день), чтобы согреться и посушить мокрую одежду. Но принести дрова в зону редко когда удавалось, потому что конвой, проходя мимо гарнизона, отнимал у нас дрова себе. Поэтому мы ночевали в нетопленных бараках при минус 45-54 градусах на дворе. Вода в рукомойниках за ночь превращалась в лед, так что утром даже умыться было невозможно. В баню нас водили два раза в месяц, а когда и раз. В бане мы получали черпак воды — два литра, чтобы немного размочить бороду перед бритьем или помыться после бритья, и прожаривали всю одежду от вшей.

После 8 месяцев жизни в таких условиях в зоне нас осталось

из 1200 — 700 человек. Остальные кто умер, а кто доходил в больницу. Я лично опух от голода и с 5 февраля до 25 апреля пролежал в больнице. После чего был отправлен в Магадан, где находился до 8 мая 1953 г.

В Магадане, сравнительно с другими лагерями, расположенными в отдаленности, произвол был меньший, и я выжил, не умер, как многие из тех, что в глубинах.

Но 8 мая 1953 г. меня опять отправили за 800 км от Магадана в Сусуманский район пос. Мяунжа, в лагерь под названием Дг (? — ..). Здесь застал такой же произвол, как и в 1949 году на "Спокойном". Заключение избивали, морили в карцерах холодом тех, кто физически был не в состоянии выполнять норму, и что самое невыносимое, оперуполномоченный майор Воронцов и его заместитель капитан Подгорный издевались над беззащитными людьми, натравливая друг на друга, разжигая национальную рознь, следуя старому принципу — разделяй и властвуй. Для облегчения своей воспитательно-трудовой деятельности создали в зоне группировку из числа заключенных, именовавших себя "честными ворами". Эти негодяи убивали, грабили людей, отбирая посылки, а также заработанные проценты на производстве. То есть вымогали, чтобы бригадир закрывал чьи-либо наряды на них — воров, а те, кто работал, не получали ничего. Забирали из кухонь продукты, мясные консервы, сахар, муку ... , все, что было получше, а для людей оставлялась крупа, так как овощи туда не завозились. Люди из группы снимали часы, "конфисковывали" деньги даже у вольных, работавших в производственной зоне. Женщин насиловали или убивали совсем. Так, перед моим приездом вор Иващук, за которого меня позднее судили, зарезал ножом повара только за то, что тот не все мясные консервы отдал вору, а немного бросил в общий котел. Все эти злодеяния делались на глазах и при благословении лагерной администрации. Если же кто из осужденных пробовал сопротивляться этому разбою, лагерная администрация строго наказывала именно их, пришивая националистическую подкладку.

Жертвой вот такой политики граждан начальников вскоре стал я. Спустя месяц после прибытия в лагерь попытку ограбить меня сделал из этих воров Макарецев. Поскольку я не желал потакать и, защищая себя, дрался — меня наказали двумя ме-

сяцами БУРа, написав ложное постановление о том, что я избил Маканцева на почве национальной ненависти. Почти перед окончанием срока (БУРа) меня бросили в камеру к ворами, друзьям Маканцева. В это время они сидели за грабеж вольного и изнасилование женщины. Чтобы меня избили или вообще убили меня. На следующий день, 12 августа 1953 г., нас вывели на работу в запрет. зону, где друзья Маканцева, Яворский, Павлов, Иващук, приварив к железному шару от шаровой мельницы стальную рукоятку, попытались этим шаром побить меня. Однако, только Павлов замахнулся этим шаром, я выбил из рук у него шар и им же защищался от всех троих.

Меня поддержали некоторые заключенные, которые видели происходящее. Все это делалось с ведома начальника оперчасти, майора Воронцова, который не случайно бросил меня в камеру к друзьям Маканцева, а после инцидента сфабриковал... (неразб. — ...), перекинув все факты с ног на голову и пришив сему ярлык националистической ненависти. Всех, кто вмешался или просто разборонял, приобщили к делу. Так была создана националистическая группировка со взглядами и деятельностью, на основании чего нас, 8 человек, судили по ст. 59-3-16 к 10 годам.

Возмутителен тот факт, что Воронцов сам спровоцировал эту драку и сам его вел, то есть поручал вести следствие своему заместителю капитану Подгорному, с которым все вместе это создали. Мы, все 8 человек, требовали постороннего следователя, в чем нам категорически отказали. Боясь, что посторонний человек, ведя следствие, разоблачит всю эту провокацию. На суд не было допущено адвоката, хотя мы и настойчиво требовали. Все свидетели так званых "пострадавших" были их же друзья и доносчики лагерной администрации. наших свидетелей не вызвали на суд. Каждый получил свою порцию из совокупности, тех заключенных, которые протестовали против совокупности тех заключенных, которые протестовали против произвола в зоне. Что все это на самом деле организовано майором Воронцовым, может подтвердить также тот факт, что после моего суда Воронцов, воодушевленный успехом, организовал еще большую группу воров, начавшую грабить и избивать, всячески терроризировать лагерь. Воронцов отвел для них отдельный барак № 1, где жило их примерно 200 человек. И эти бандиты

так надоели людям, а было тогда в зоне 3500 человек, что однажды вечером все обступили барак с ворами, зажгли его и не пропустили живьем оттуда никого. Такое творилось по всем 23 отделениям Берлага. И многих, как и меня, без вины виноватых, осудили за то, что мы осмелились противостоять насилию и издевательствам офицеров концлагерей.

Но прошли годы, культ личности и его последствия осудили партия и правительство; для многих, кого я знаю и о ком только слышал от других пострадавших от сталинского произвола, были дела пересмотрены, а люди освобождены.

В 1956 г. Комиссия Верховного Совета СССР снизила мне срок наказания до 10 лет. Но после четырех лет пребывания вне зоны кому-то показалось, что я мало отсидел, и меня арестовали *опять* (по так называемым вновь открывшимся делам). Кто виноват из осужденных, что в те времена следственные органы поторопились и не довели расследование до конца.

Мне следователь капитан Петухов говорил: на 25 лет тебе хватит, и надо быстрее кончать дело. Таким образом, я могу с уверенностью говорить, что все делалось так, лишь бы можно в любое время вернуть человека вторично под суд. Кому не известно, что я, находясь в УПА, не сеял и не пахал, а каждый день воевал с советскими карательными войсками. Но даже меня арестовали вторично, аннулировав решение Комиссии, но арестовали ведь за действия в УПА, а не за борьбу в лагере против бериевского произвола.

Поэтому считаю неправильным присоединение еще и лагерного срока к первому сроку, в связи с чем мне увеличили срок до 30 лет. Комиссия реабилитировала всех семь моих подельников по лагерной судимости. Почему сейчас обратились люди, которые воскресили и оправдали давно осужденный произвол — и возвратили мне срок, полученный в антиконституционном суде за борьбу с антиконституционными действиями. А ведь указов не существует тридцатилетнего срока.

Прошу рассмотреть это заявление, подтвердить закономерность реабилитации бериевского законодательства, а также сообщить, окончится ли мой срок после на сегодня присужденных 30 лет или же будет как в 50-е годы "ОСО" и мне прибавят еще?

Симчик М.В.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

◆ Фонд имени Герцена выпустил книгу "Ташкентский процесс. Суд над десятью представителями крымско-татарского народа (1 июля — 5 августа 1969 г.)". Книга состоит из пяти разделов — "Предыстория", "Следствие", "Суд", "У зала суда", "Приложения".

◆ В ноябре был произведен обыск на квартире у известного участника правозащитного движения Юрия Гастева. Неизвестно, по какому делу производился обыск. На обыске были изъяты, в частности, записки мемуарного характера, часть из которых под заголовком "Судьба "нищих сибаритов" опубликована в первом выпуске самиздатовского исторического сборника "Память".

◆ Американский журнал "Сайенс" 5 ноября опубликовал подробную статью Николаса Вейда о деле Ковалева.

◆ 13 сентября в Ленинграде у Владимира Борисова и его матери были произведены обыски. В то же время был произведен в Москве обыск у жены Борисова Ирины Каплун.

◆ Во Франции был проведен многолюдный митинг в защиту Буковского и Глузмана, организованный Международным комитетом математиков, который ранее столь активно выступал в защиту Плюща. На митинге присутствовал представитель компартии Франции.

◆ Стало известно, что политзаключенному писателю Михаилу Хейфецу по-прежнему не пропускают писем ни от кого, кроме его жены. Его теперешний адрес: СССР, Мордовская АССР, 431170, ст. Потьма, пос. Лесное, ЖХ 385/19, 2 отряд.

◆ 26 сентября лейтенант Зосимов перелетел границу СССР на самолете АН-2 и, приземлившись в Иране, попросил там политического убежища. Советские власти, как можно понять, оказали сильное давление на иранское правительство, требуя выдачи Зосимова. Когда стало известно о намерении иранского правительства выдать Зосимова Советскому Союзу, многие

видные деятели русской эмиграции обратились с призывами к иранскому шаху отказаться от выдачи, среди них — Александра Толстая, Светлана Аллилуева, Александр Вольпин и другие.

28 октября Зосимов был выдан Советскому Союзу. Против решения Иранского правительства протестовали Андрей Сахаров, бывший советский генерал Петр Григоренко, Микола Руденко и Юрий Орлов. Верховный Комиссар ООН по беженцам направил Иранскому правительству протест в связи с выдачей Зосимова, обратив внимание, что, в соответствии с принципами международного права, беженец не подлежит выдаче в страну, где его жизнь или свобода находятся в опасности по причине его политических или религиозных убеждений.

♦ Александр Аргентов освобожден из психиатрической больницы (см. "Хр. защ." 22, "Хроника" 41).

♦ Виктор Соколов, проживающий в США, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 сентября 1976 г. был лишен советского гражданства "за действия, порочащие звание советского гражданина" — такая причина указана в письме консула А. Ермакова на имя В. Соколова.

В. Соколов приехал в США из СССР после того, как в 1975 г. женился на американке. Он активно выступает в прессе в защиту прав человека в СССР.

ДОКУМЕНТЫ

НАДЗОРНАЯ ЖАЛОБА

**Юй-Ши-Линя, человека, точнее китайца,
которому мать дала имя Линь,
означающее по старому китайскому поверью,
что этот человек будет несчастен в жизни**

Это угнетало меня, и я хотел изменить свое имя на другое, более счастливое: Юй-Цзян-Хун. Однако инспектор по политчасти 8-роты Зимунайского Госхоза запретил мне это сделать, и я остался по-прежнему Юй-Ши-Линем, хотя многие китайцы во время культурной революции легко меняли свои имена.

Примечание редакции

Редакция "Хроники защиты не в состоянии проверить факты, изложенные в этой надзорной жалобе, однако считает, что в любом случае она является весьма важным документом, тем более что ничего не известно о положении китайских беженцев, некоторые из которых обвинены в шпионаже.

Автор этой надзорной жалобы упоминается в "Хронике текущих событий" 39, 40 и в "Нобелевской лекции" А. Сахарова под именем Ма-Хун. Документ публикуется с сохранением стиля и орфографии полученной копии.

По последним непроверенным сведениям, автор этой жалобы освобожден.

Примечание самиздатского текста

С 1974 г. во Владимирской тюрьме под именем Ма-Хун содержится китайский политэмигрант Юй-Ши-Линь.

Хотя он и иностранец, но вопреки закону его содержат вместе с советскими политзаключенными. Суть дела Ма-Хуна ясна из его надзорной жалобы. Приговором Военного Трибунала Среднеазиатского военного округа Ма-Хун приговорен к 10 (десяти) годам заключения, с отбытием первых пяти лет в тюрьме, и пяти годам ссылки. Ма-Хун мужественно ведет себя в тюрьме, является участником движения за явочный переход на статус политзаключенного.

(С августа 75 г. по январь 76 г. Ма-Хуна увозили из Владимирской тюрьмы. Держали в Лефортовской тюрьме, велось какое-то переследствие. Весной 76 г. его снова увозили из Владимирской тюрьмы. Где он сейчас — неизвестно — июль 76 г.)

Но когда в 1968 г. я бежал из КНР в СССР, в КГБ, где я сам рассказал о своей попытке изменить имя, сочли возможным тут же поименовать меня: Юй-Ши-Линь он же Юй-Цзян-Хун. Заочно мне дали еще одно имя — Ма-Хун, разъяснив, что китайцу в СССР нельзя жить под своей собственной фамилией.

Так я стал по воле КГБ Юй-Ши-Линь, он же Юй-Цзян-Хун, он же Ма-Хун. Мне стало уже несколько в тяготу обилие имен, но я еще не предполагал, что из этого может выйти что-либо плохое. Нас в Китае учат верить компетентным органам без раздумий.

Я сперва и в СССР не задумывался. Но вот меня вызывают и сообщают, что есть два человека, точнее китайца, которые утверждают — один, что я Тун-Чши-Пей; а второй, что я Чэнь-Шуан-Бао. И следственные органы КГБ тут же, не придавая никакого значения этому существенному противоречию, стали именовать меня впредь только так:

Юй-Ши-Линь,
он же Юй-Цзян-Хун,
он же Ма-Хун,
он же Тун-Чжи-Пэй,
он же Чэнь-Шуан-Бао,

каковым я перед вами и предстаю.

Если бы славные КГБ присовкупили ко всем этим именам и имя Чан-Кай-Ши, то и это меня не слишком бы удивило, после того как он увенчал меня последним именем — Чэнь-Шуан-Бао — сына национального героя КНР Чэнь-Юнь-Гуя, которого в Китае знает каждый ребенок, в то время члена Политбюро ЦК КПК, зам. Мао-Цзе-Дуна.

А поскольку суд утвердил меня своим приговором в этом почетном качестве, вы вполне можете (да и должны) рассматривать данную жалобу как жалобу Чэнь-Шуан-Бао, сына заместителя Мао-Цзе-Дуна.

Я родился и жил до 18 лет, до 1959 г. в г. Бамбу, в семье зам. начальника уездной полиции. Мой отец в 1949 г. убежал на Тайвань вместе с гоминдановцами, а мы с матерью и братом остались в Китае и говорили все, что отец погиб во время наводнения в 1949 году.

В Китае самое почетное занятие — служба в Армии. В 1958 г.

и я хотел пойти в Армию, но меня не взяли. Это позорно для китаецца. Возможно, думали мы, начальство уже знает, что мы рассказывали об отце неправду.

И тогда, в 1959 г., после окончания 9 класса, оставив 12-летнего брата с матерью, я уехал из Центрального Китая в провинцию Синцзян, где меня приняли на работу в госхоз 28-го полка 10-й сельско-хозяйственной дивизии, и где я стал землекопом.

Скрывая свое происхождение, я при заполнении анкет в госхозе (а там их заполняют по два раза в год) врал, что я из бедной семьи и что отец умер.

В 1962 г. много китайцев, казахов и уйгуров убежало из пограничных поселений в СССР. И тогда для охраны границы в связи с ухудшением советско-китайских отношений, из состава Синцзяньской с.х. округа была сформирована 3-я рота народного ополчения, которая в мая 1962 г. была вооружена и переведена в пос. Зимунай на самой границе с СССР. Вплоть до 1965 г., будучи ополченцем и имея оружие, я там одновременно работал землекопом на с/х работах.

Но в 1965 г. началось "Движение за соц. воспитание", в ходе которого проводилась проверка всех без исключения членов госхозов в смысле правильности сообщаемых ими о себе сведений. Меня изобличили как сына гоминьдановца. Однако "изобличенных" было очень много, примерно 1/3 всего состава госхоза, около 200 человек. И комиссар Юань-Шуе-Кин настоял на том, чтобы к нам не применялись обычные в таких случаях репрессии. Дело ограничилось жестокими побоями, отобранием оружия и переводом на самые тяжелые работы. За все это мы были очень благодарны комиссару, защитившему нас от тюремного срока, а иных от расстрела, что в Китае явление обычное.

Я был переведен в пастухи, где в течение трех лет работал в две смены на выпасе лошадей с Гуан-Вый-Ченом: я во вторую смену, а он в первую. Так я прожил почти 7 лет в этом госхозе.

К сожалению, началась Культурная революция, и комиссар Юань-Шуе-Кын, который защищал разоблаченных в 1965 году, был смещен как представитель "Черной стены" (врагов народа). Его именовали "Зимунайским Хрущевым", "ревизионистом" и т. д. Все мы, разоблаченные в 1965 году, были кров-

но заинтересованы в том, чтобы не оказаться за решеткой и защищали комиссара, добивались его восстановления в должности. Мы создали свою организацию, писали дацзыбао, проводили митинги, а я был избран секретарем этой организации.

Но верх взяли маоисты, и нас начали преследовать, сажать в огороженный колючей проволокой лагерь, расправляясь поодиночке, путем "критики". От сочувствующего мне друга — члена нового Ревкома, созданного хунвейбинами, я узнал, что 10 июня 1968 г. меня тоже будут "критиковать", что означало побои, неминуемый арест и заключение на 10 лет.

Тогда, выбрав хорошую лошадь, я уехал в горы, а оттуда, 9 июня 1968 г. в 22 часа я благополучно попал на советскую сторону в район Усть-Каменогорска. Услышав разговор пограничников, я сам к ним подъехал и попросил отвести меня на заставу к начальству.

Зная кое-что понаслышке о порядках в СССР, я и здесь из страха не решился рассказать о себе правду. Давая объяснения после перехода границы, я сказал, как в госхозе, что отец погиб во время наводнения, а также, что я якобы был членом КПК и служил в НОАК.

Кроме того, уже в Алма-Ате в КГБ я сообщил о событиях в Зимунайском госхозе и судьбе комиссара, который уже был к тому времени арестован... Т. к. переход советско-китайской границы совсем не труден, а госхоз в 100 м от самой границы, я предложил КГБ свою помощь в освобождении комиссара из лагеря (который не охраняется ни днем, ни ночью) и перевода его на советскую сторону — если, конечно, КГБ этого хочет.

Не дав мне никакого ответа, меня 1,5 месяца спустя после задержания освободили и выдали мне удостоверение на жительство в СССР на имя Ма-Хуна.

Однако недели две спустя два майора КГБ, Альжанов и Заплавный, вдруг пригласили меня осуществить операцию по освобождению комиссара. Мы вылетели самолетом в Усть-Каменогорск, где с вышки погранзаставы наблюдали в течение двух дней Зимунайский госхоз и концлагерь. Мы тогда еще не знали, что китайцы тоже за нами наблюдают.

Затем я перешел в темноте границу и вступил в переговоры с женой своего друга, которую просил пойти в лагерь и сообщить комиссару о предлагаемой ему возможности бежать в

СССР. Мы договорились, что если комиссар даст согласие, она повесит над дверью своего дома черную одежду и шапку. Когда я вернулся на советскую сторону, мы стали наблюдать за ее дальнейшими действиями. На другой день она действительно ходила в лагерь — носила еду заключенным. А вернувшись, повесила одежду над дверью, но было также замечено, что к ней очень рано утром приезжал офицер на велосипеде.

Как мне сообщил подполковник Сонников 4 года спустя, были тогда и другие события, о которых мне тогда ничего не говорили. Именно: из Зимуная в Алма-Атинский военный округ по телефону (который прослушивается советскими пограничниками) было сообщено о моем визите в Китай. Из округа было направлено на 2-х грузовиках воинское подразделение для моей поимки. Но тогда в 1968 г. мне об этом не сказали. От меня требовали, чтобы я вновь пошел в Китай и помог бежать комиссару, хотя было ясно, что китайцы что-то затеяли.

Я побоялся вновь идти на китайскую сторону — ведь меня бы могли расстрелять за измену. Но майоры меня стыдили, затем и угрожали. ... я знал, что угрозы эти не беспочвенны и советские пограничники часто выдают бежавших китайцев назад, я решился ночью перейти границу Китая. Страх быть пойманным повел меня круглым путем. И действительно, обойдя с тыла дом своего друга, я увидел 4-х автоматчиков, которые в засаде. Я тут же бежал назад, не выполнив задания КГБ.

Прилетев назад в Алма-Ату, я поступил слесарем на текстильный комбинат, где стал добросовестно работать. Мне предложили принять советское гражданство, я воздержался. Через майора КГБ Заплавного мне в 1969 г. предложили обучаться в Алма-Атинской пограничной школе с целью последующей заброски в Китай. От этого я тоже отказался наотрез.

Желая разыскать своего отца, живущего на Тайване, и понимая, что без разоблачения своей легенды о членстве в КПК и службы в НОАК это невозможно, я рассказал год спустя всю правду о себе представителю КГБ по связи с китайцами тов. Гончаруку, который меня похвалил за это и попросил обо всем написать. Я написал и передал в КГБ. Но на мою просьбу к Гончаруку найти моего отца, он ответил, что это мое частное дело и чтобы я искал его сам.

В 1971 г. я купил себе приемник "Рекорд" и стал слушать по вечерам передачи на китайском языке из Австралии. Как и все другие китайцы, до этого я слушал эти передачи на дому у других китайцев. В одной из передач я записал адрес одного ученого из Ун-та и написал ему письмо в Австралию с просьбой помочь Юй-Ши-Линю найти отца, который живет на Тайване. Т. к. в СССР я жил не под своим именем, а под фамилией, данной мне КГБ, мне пришлось писать о себе в третьем лице, ибо отца Ма-Хуна искать на Тайване незачем. Ма-Хун — изобретение КГБ, а не реальная личность.

Еще в 1969 г. я познакомился с китайцем, живущим в СССР, Ван-Фу, который, по словам следователя КГБ подполковника Сонникова, в настоящее время работает в Китае советским шпионом. Этот Ван-Фу, как я теперь знаю, по инициативе КГБ предложил мне и еще нескольким китайцам создать организацию "по борьбе с Мао".

Поскольку это отвечало моим убеждениям, я согласился, но предложил спросить разрешение у КГБ. Он отказался. Тогда я и мой знакомый Лю-Вань-Юй сами пошли в КГБ Алма-Аты, где нас принял полковник в присутствии переводчика майора Заплавного. К тому времени нас, желающих, было уже восемь человек. Лю-Вань-Юй составил "клятву", которая гласила, что мы будем бороться против режима Мао и его идеологии за дружбу с СССР и освобождение китайского народа от маоизма. Мы составили также черновик обращения на 3-х листах, в котором призывали к борьбе против Мао, к дружбе с СССР.

Временно, до решения вопроса в КГБ, я был назначен секретарем и хранил у себя все эти бумаги и список желающих. Все это, а также фамилии всех членов организации я сразу же передал в КГБ полковнику, желая убедить его в жизнеспособности этой организации.

В течение трех дней КГБ снимало копии с этих документов, после чего мне их возвратили. Полковник сказал, что доложит Москве, а пока "не спешите". Это был 1970 г. Через три месяца был дан ответ: "Пока нельзя еще".

В связи с этим КГБ обратилось ко мне с предложением: все ранее мною им показанные документы организации сдать им. Но другие китайцы не дали мне на это согласия и отобрали у

меня весь архив. КГБ опросило каждого участника организации, но никто не согласился на передачу своих бумаг в КГБ. Тем не менее какая бы то ни было "деятельность" организации прекратилась.

Видимо, за отказ выдать архив несостоявшейся организации КГБ решил меня поугатать и сделал первую неудачную попытку сделать из меня "китайского шпиона". В августе 1970 г. меня доставили в КГБ, где я впервые увидел некоего Ся-Цей-Геня, который тогда досиживал три года за незаконный переход границы и подвизался в КГБ в качестве провокатора. В присутствии подполковника Сонникова, прокурора, переводчика А. Аникеева мне было устроено "опознание". Из посторонних я был один, и выбирать Ся-Цей-Геню было не из кого. Он тут же "опознал" во мне некоего Тун-Та-Чина и дал такие показания: мы с ним дружили там в детстве. Мы вместе учились в разведшколах Урумчи (?) в Тангуна. Мы близкие друзья. Мы оба любили вместе купаться, и он заметил еще тогда, что у него на половом члене есть родинка, твердая на ощупь.

Я возразил присутствующим, что я не Тун-Та-Чин, в доказательство чего предложил всем обзреть и потрогать мой половой член на предмет обнаружения отсутствия родинки. Но прокурор и следователь не пожелали.

На мою просьбу провокатору повторить еще раз названную им фамилию, он вспотел, думал около 10 минут и вдруг выпалил: Лю-Яо-Чун! Я сказал, что только полчаса назад он называл другую фамилию. Прокурор покраснел, помялся, подумал и наконец заявил: "Это тоже твоя фамилия".

"Ну, а как же первая? — спросил я друга детства, — вспомни мою первую тобой названную фамилию". Но организаторы этого спектакля побоялись, что он и вторую фамилию забудет, вспоминая первую, прервали "опознание".

Но с Ся-Цей-Генем мне еще предстояло встретиться в будущем.

Примерно через год КГБ предложила мне уехать из Алматы в Темиртау, что я и сделал. Там я по рекомендации КГБ поступил работать на металлургический комбинат.

В июле 1971 г. два члена нашей несостоявшейся антимаоистской организации, Ли-Туань-Хань и Лю-Ван-Юй, решили

бежать из СССР в Иран, где они хотели все же эту организацию создать. Они сообщили мне о своем намерении и звали меня с собою. Я отказался, и они бежали сами. Оба они были, конечно, пойманы, и их обвинили в "шпионаже". Когда я узнал об этом, а следствие производилось уже около 7 месяцев, — я бросил работу, выехал в Алма-Ату и стал собирать подписи под заявлением, что они не шпионы.

Это обращение я послал председателю КГБ в Москву. Им изменили квалификацию обвинения на "незаконный переход границы" и дали по 2 года. Но это мое вмешательство в дела КГБ было ему очень неприятно.

А в это время, в январе 1972 г., из Австралии пришел ответ на мое письмо о розыске моего отца. Оно и решило мою судьбу.

Поэтому, как только осудили моих друзей, уже через месяц арестовали меня самого и предъявили мне обвинение в шпионаже.

А на это в Алма-Ата есть определенная общеизвестная такса, которая такова:

Каждый, кто отказывается сотрудничать с КГБ и кого он решит обвинить в шпионаже, имеет на выбор два варианта. Если он согласен с любым выдвинутым против него обвинением, подписывает все, что ему предлагают, не глядя, то ему гарантируется срок не более пяти лет заключения в облегченных условиях, работа в хозобслуге тюрьмы г. Алма-Ата, повышенное питание со сливочным маслом, молоком, мясом, компотом и ежегодным отпуском... в санатории КГБ на один месяц. Так, например, "шпион" Хуан-Син-Ван, отбывая 5-летний срок, отдыхал в 1972 г. летом в горном санатории КГБ. Всем "шпионам" выдается ежедневно 300 г колбасы, 40 г масла, белый хлеб — без ограничений и ларек на 10 рублей в месяц. Они имеют водку. Их зарплата 15 руб. в месяц.

Если же обвиняемый не признает обвинения, то ему гарантируется пятнадцатилетний срок и настоящие, предусмотренные секретной инструкцией МВД, условия содержания. Это и голодный рацион на 11 рублей в месяц, и ларек на 3 руб. в месяц, и репрессии, когда суточный рацион низводится до 6 коп. и 19 коп. попеременно.

Вот эти-то 15 лет за непризнание себя "китайским шпионом" я и получил от КГБ.

По существу, это неизменная месть рядовому политэмигранту лишь за то, что он ввел КГБ в заблуждение относительно своей подлинной биографии, месть за неудачную попытку выкрасть комиссара из Зимунайского госхоза, за отказ принять советское гражданство, за отказ шпионить против КНР, за помехи КГБ в его стремлении осудить моих друзей как якобы "шпионов". И более всего месть за то, что я неосторожно, не будучи предупрежден, рассказал своим друзьям о том, как я с чекистами ходил на китайскую границу и пытался перетащить в СССР комиссара!

Это и побудило КГБ возбудить против меня дело о "шпионаже", вопреки даже советским законам, вопреки логике, здравому смыслу, фактам. И надо все же отдать должное суду, который даже очень желая проштамповать все, что ему предлагало КГБ, вынужден был все же включить в свой приговор, вынесенный 30.11.73 г., следующую фразу, фактически обесценивающую всю "деятельность" КГБ по сбору "уличающих" меня "фактов":

"Поскольку материалами дела не доказано, что в результате преступной деятельности Ма-Хуна ему удалось собрать сведения, составляющие военную и государственную тайну, суд квалифицирует содеянное им как покушение на шпионаж".

А теперь посмотрим, в чем же состояло покушение и к каким методам прибегало следствие КГБ, чтобы отстоять свою версию.

Если верить приговору, КГБ будто бы знало о том, что я шпион еще за 4 года до того, как я был арестован. То есть знало об этом не далее, чем через полгода после моего прибытия в СССР от другого "шпиона" Хе-Ин-Чу, заброшенного разведкой Китая в декабре 1968 г., а затем от других двух "шпионов", на показаниях которых только и зиждется приговор, — Ся-Цяй-Гэнь и Хуан-Син-Вана.

Однако сами эти "сознавшиеся" "шпионы" ко времени моего ареста уже отбыли свои сроки и вовсе не за "шпионаж", а за незаконный переход границы: Кэ-Ин-Чу — один год, Ся-Цей-Гэнь — три года, а Хуан-Син-Ван, сперва не признавшийся в "шпионаже", получил по началу 15 лет, которые ему вдруг

были заменены на 5 лет с маслом и месячным санаторным отпуском в здравнице КГБ.

Итак, зная о том, что я будто бы "шпион", да еще и "главный шпион", на помощь к которому, по версии КГБ, все трое будто бы и шли, КГБ меня не арестовало и вместе с ними суду не придало. Напротив, оно трудоустроило меня на работу и дало жилье в столице республики Алма-Ате. Услышав затем год спустя мое признание об отце-гоминдановце и убедившись еще на том этапе, за три года до моего ареста, в том, что я врал и "пытался войти к КГБ в доверие", оно опять не предало меня суду, а предложило принять советское гражданство, от которого я, будто бы пытавшийся войти к КГБ в доверие, с благодарностью отказался. Не странно ли такое поведение для желающего обжиться в СССР агента?

И тем не менее, несмотря на обострившиеся благодаря этому отказу отношения с КГБ, его сотрудники сочли возможным ни больше, ни меньше как предложить ему пройти курс обучения в разведшколе КГБ в Алма-Ате и затем поехать шпионить в Китай! Правда, и приговор, и следствие об этом эпизоде почему-то скромно умалчивают.

Затем, согласно приговора, КГБ будто бы еще с 1969 года знало от "шпиона" Ся-Цэй-Гэня о моем намерении создать антисоветскую организацию. Под антисоветской организацией здесь имеется в виду уже упоминавшаяся выше антимаоистская организация. Однако если это действительно так, то совершенно непонятно, зачем КГБ целых 1,5 года возилось с нами, приносящим свои списки и другие документы организации? Оно лишь снимало с них копии, а затем сообщило нам о решении Москвы "повременить" с созданием этой организации.

Замечу здесь, что Ся-Цэй-Гэнь, "разоблачивший" нашу организацию как антисоветскую, — это тот самый Ся-Цэй-Гэнь, который в 1970 г. опознал меня как "шпиона" по родинке на члене. Тогда однако он ничего не знал о якобы данном мне задании разведки создать "законспирированную организацию". Этим его на шпиговали год спустя.

В 1972 г. этот же "китайский шпион" исполнял на моем следствии и суде уже другую программу: он был уверен, что никогда меня не видел, что вместе мы никогда не учились и,

конечно, не купались. Вместо этого он сказал: "Я знаю его по фотографиям, которые мне показали в китайской разведке" (уместно усомниться — в китайской ли?). Тем не менее, когда я в судебном заседании попросил его рассказать, чему же обучают в разведшколах Урунчи и Таньгуна, привести пример хоть одного занятия, он ничего не смог ответить, и возмущенный судья выгнал его из зала заседания!

Уже в тюрьме мне устроили еще два "опознавания". Оба они любопытны.

Меня посадили между трех китайцев и привели "шпиона" Хэ-Ин-Чу опознавать меня. Этот Хэ-Ин-Чу, если верить приговору, был будто бы послан "китайской разведкой" ко мне на помощь, был пойман и осужден будто бы за шпионаж, и в момент вынесения приговора якобы отбывал. На самом же деле он отсидел год за переход границы и гулял на свободе, согласившись сотрудничать с КГБ.

Хэ-Ин-Чу сказал следствию, что де я лично сопровождал его до границы при его переходе на советскую сторону в декабре 1968 г., что он учился вместе со мной в двух разведшколах в Урумаи и в Тулгане несколько лет и что мы с ним служили 2 года в китайской армии. Настоящее мое имя, по его словам, Тун-Чжи-Пэй.

Теперь, усевшись против нас, этот Хэ-Ин-Чу в течение 2-х часов всех нас разглядывал и так и не смог вспомнить, с кем же из нас он провел столько лет вместе. После настойчивых понуканий следователя, он наконец ткнул пальцем в одного из моих соседей и сказал, что именно с ним он переходил ночью границу, учился в разведшколе, служил в армии.

Возопили конечно сразу оба, и "опознанный", и следователь, подполковник Сонников. Подполковник предложил "шпиону" еще подумать...

Подумав еще, Хэ-Ин-Чу ткнул пальцем не в меня, и спектакль позорно закончился. Его протокол из дела исчез.

Но через пару дней подполковник взял реванш. Меня привели на очную ставку с этим "шпионом", и он уже из двух участников эксперимента, меня и переводчика, легко опознал меня.

В суде, когда он заученно бубнил свою роль, даже судья возмутился — столь наглой была чушь, которую он нес: следствие

не удосужилось даже сопоставить даты его и моего перехода границы. Я-то перешел ее за полгода до того, как он бежал в СССР, и уже работал на Алма-Атинском текстильном комбинате, так что никак не мог, как он говорил, в форме военн. сопровождать его до границы. И тем не менее все эти, с позволения сказать, "показания" преспокойно затем появились в приговоре.

Затем меня "опознал" Хуан-Син-Ван, свинопас из Зимуная, согласившись взять на себя несложную роль "шпиона" по малому Алма-Атинскому прейскуранту сроком на 5 лет. "Опознавали" меня так: для облегчения его задачи меня на этот раз усадили среди лиц полукровок, ни один из них не был китайцем — все метисы. Оpozнание было обставлено с большой помпой, его снимали на киноленту.

Только впоследствии я понял, что происходит. Полковник... уже уверен, что мы служили в армии, учились в разведшколе. Он назвал меня Чен-Шуан-Бао, и здесь я увидел, что КГБ делает на мне большую ... для своего начальства. Оно сделало меня уже и сыном члена Политбюро ЦК КПК.

Для вящей убедительности "шпион"-свинопас из Зимуная добавил, что я помимо всего еще будто бы и лекции читал в разведшколе, чего почему-то другие "шпионы" вспомнить не могли в течение предыдущих трех лет.

Но следствие уже во-банк! Времени на разбор ушло много — 12 месяцев, а воз, несмотря на столь квалифицированную помощь трех "шпионов" и двадцати экспертиз,— ни с места!

Кстати об экспертизах. В поисках криминала, тайнописи, шифров, передатчиков и т. п. следствие провело 4 экспертизы. Вот, что они делали с серьезнейшим научным ... порезали мои сапоги — ничего. Разобрали один приемник, китайский — ничего. Разобрали его еще один раз — опять ничего. Разобрали его в третий раз — ничегошеньки! Перепороли всю мою одежду и обувь, ... щетки, книги, бумаги, будильник и пр. — снова ничегошеньки. Вожделение следствия сконцентрировалось на скрипке. Собрав ее остатки, эксперты констатировали—обычная. Проверили стенки дома — пусто. Проявили негативы — друзья, с преобладанием подруг. Исследовали таблетки от кашля, блокноты, денежные квитанции — мало. Затем устроили эксперти-

зу на умение пользоваться арканом. Привели живую лошадь, свидетелей, дали ременной аркан длиной 20 м, который неумелый человек даже в руки взять не сможет. Убедились, что я отлично им владею. Тогда эти выводы экспертов "не положили" в дело. Испытали мое госхозовское удостоверение, действительно ли оно было в употреблении 4 года. Да — ответили эксперты, и тогда это не приняли во внимание.

Но кое-что нашли. Поскольку удостоверение Госхоза, письмо брата и паспорт были на мое родовое имя Юй-Ши-Линь, эксперты установили, что все они "фиктивны", т. к. я — Ма-Хун, Юй-Цзян-Хун и даже Чэнь-Шуан-Бао, словом кто угодно, но только не Юй-Ши-Линь, каковым меня, между прочим, признает даже приговор суда.

Вопреки известному всей Алма-Ате факту, что Австралия ежедневно ведет передачи на китайском языке, которые легко принимаются любым приемником, экспертиза дала заключение, что, во-первых, поймать эти передачи будто бы невозможно (а их слушают все советские китайцы), и во-вторых, что Австралия вообще на китайском языке передач не ведет.

Наконец-то подвергли экспертизе и мой половой член, на этот раз, правда, не на предмет наличия родинки, а дабы установить — много ли я имел женщин. Выяснилось — много, что, по мнению КГБ, характерно для шпионов. Это и было отмечено в приговоре.

Эта экспертная деятельность перемежалась то угрозами немедленно возвратит меня Китаю, то поездками в ресторан, где меня ублажали ... и водкой и уговаривали согласиться быть "китайским шпионом". Водку я имел даже в камере. Обещания — одно радостнее другого, только согласись.

Если бы речь шла о правосудии в его обычном общеупотребительном смысле, то суд и следствие допросили бы перебежавшего в СССР второго пастуха Зимунайского Госхоза, моего сменщика Гуан-Вый-Ченя, с которым я проработал бок о бок в госхозе 7 лет подряд. Он содержался в той же тюрьме, что и я. Я его дважды видел и обращался и к следователю, и к прокурору, и к судебной коллегии с просьбой вызвать его и допросить. Всеми инстанциями мне было в этом отказано.

И еще: достаточно прочесть "Присягу" и "Обращение" нашей злополучной организации, которая хотела именовать себя "Ре-

волюционная группа китайского народа”, чтобы увидеть всю абсурдность утверждения, что де это — ”антисоветская организация”.

Весь приговор, каждая строка которого дышит ложью и подлогом, должен быть отменен.

Я теперь знаю, что нельзя говорить ни слова о том, что меня когда-либо связывало с КГБ, его делами, особенно если это касается дел на чужих границах.

Я виноват, что от страха скрывал правду о своем отце, но я сам ее рассказал через год, убедившись, что назад в Китай меня уже не отдадут.

Но я не сделал больше ничего противозаконного, и я не могу согласиться, что за это я должен сидеть целых 15 лет.

15 апреля 1975 г.

Юй-Ши-Линь
Владимирская тюрьма

ИНТЕРВЬЮ С ВЛАДИМИРОМ БУКОВСКИМ

19 декабря 1976 г. Владимир Буковский по телефону из Цюриха ответил на вопросы В. Чалидзе.

С кем вы имели контакты в последнее время во Владимирской тюрьме?

Буковский: В последнее время я сидел во Владимирской тюрьме с В. Рокицким (молодой парень с Украины, который должен освободиться в январе), с Багратам Шахвердяном и с одним пожилым [заключенным] из Армении—Айрапетовым (который сам по себе совершенно неинтересный, случайный человек; он должен уехать в лагерь в ближайшее время, поскольку судом ему тюремный срок сокращен за хорошее поведение). Это — три человека, с которыми я сидел в последнее время.

Айрапетов Джалат Магдасарович — осужден в Баку по статье Азербайджанского кодекса, аналогичной ст. 70 УК РСФСР.

До этого в этой же камере находился Будулак-Шарыгин, отбывший в ноябре в лагерь по окончании тюремного срока. Состояние здоровья последнего очень тяжелое, очень высокое кровяное давление и практически никакой медицинской помощи. Из названных ранее, у Баграта Шахвердяна тяжелое состояние здоровья из-за язвы желудка. Ну, Рокицкий тоже больной человек, но дело в том, что он освобождается в ближайшее время и, по-видимому, это не так актуально. В помощи остро нуждается Шахвердян.

В этом же корпусе через камеру от нас сидели Александр Федорович Сергиенко и Анатолий Кузьмич Здоровый (из Харькова). С ними же сидел Володя Балахонов. Перед самым моим вот этим неожиданным отъездом и Сергиенко, и Здоровый были посажены в карцер на 15 суток и, по нашим подсчетам, должны выйти из карцера где-то 22 декабря. У Сергиенко тюремный срок кончается где-то 24-26 декабря, поэтому мы полагали, что сразу после карцера его потащат на этап, что само по себе

очень плохо после карцера; вообще состояние здоровья у него не очень хорошее. Он туберкулезник, правда, в закрытой форме, сидел в последнее время в карцерах очень много. Дополнительного питания он не получал в последнее время никакого, есть сведения, что у него дистрофия. Во всяком случае, письма домой он в последнее время писал довольно скверные. Балахонов тоже не в очень хорошем состоянии. И вообще там мало кто в хорошем состоянии.

Что известно о Суперфине?

Буковский: Суперфин сидел в карцере совсем недавно — он и Давыдов сидели недавно в карцере и только-только вышли перед тем, как меня увезли. Оба сидели за то, что отказались разговаривать с сотрудником спецчасти, отказывавшимся объявлять ответы. У нас там возникла большая сложность в связи с полным блокированием жалоб. Практически не позволяли отправлять жалобы никуда.

Они приостановили отправку их в центральные органы, да? Любарский писал об этом.

Буковский: Да, полностью. Это началось сравнительно давно, это началось еще с весны. Была запрещена сначала отправка жалоб любым депутатам Верховного Совета, то есть они отправлялись, но отправлялись не депутатам, а отправлялись в МВД, несмотря на заказные письма, на уведомления, все это игнорировалось.

Но все это было начало, дальше стало хуже. После этого было официально объявлено помощником прокурора г. Владимира о том, что запрещается отправлять жалобы во все некомпетентные органы, и в качестве некомпетентных органов была названа "Литературная газета", в которую запрещено отправлять любые жалобы, ну, и многие другие органы. Причем прокурор любил шутить, что вот нельзя еще в "Мурзилку" отправлять. Ну, это его, так сказать, дело, пусть шутит. А дальше еще хуже. Было объявлено, что нельзя подавать жалобы за других. Ну, есть такая формулировка в инструкции, запрещающая подавать жалобы за других, но под этим администрация понимала упоминание в жалобах случаев, произошедших не с тобой лично. Скажем, иллюстрирование какой-либо жалобы случаями не с тобой, а с другими заключенными. Я специально был вынужден писать по этому поводу в Институт русского языка Академии

наук СССР и получил ответ некоего Скворцова, заведующего сектором культуры русской речи, который все-таки встал на мою сторону в трактовке этого вопроса. Он пишет в ответе, что нельзя так понимать предлог "за". Он объясняет о предлогах "за", как они употребляются и когда. У меня этот ответ, кстати, здесь.

А с Любарским были контакты?

Буковский: Нет, с Любарским нас принципиально и умышленно не соединяли в течение всего времени.

С Суперфином какие-то контакты были?

Буковский: С Суперфином, кроме так называемой межкамерной связи, я сидел [вместе] в июле — начале августа, вплоть до того, когда меня посадили в карцер. Я с ним сидел дней, наверно, 20. Он чувствовал тогда себя не очень плохо. Сейчас, по данным тамошним, тюремным, у него что-то с сердцем... А тогда было ничего. С ним же сидел Зорян Попадюк, прекрасный молодой парнишка с Украины. Они очень дружат и совершенно неразлучны настолько, что тюрьма это признала, даже администрация тюрьмы признала и переводит их из камеры в камеру только вместе. Это очень хорошо.

Можете ли что-нибудь сказать о Глузмани? Это давние контакты, но все-таки*.

Буковский: Очень давние. Правда, сравнительно недавно приехал Шахвердян, привез новости. Ну, ничего интересного он сказать не мог. Он сказал, что вроде бы неплохо, его даже перестали особенно теснить и преследовать, но все это висит на ниточке, поскольку его шантажируют старой копией нашей с ним работы, написанной им собственноручно, которая попала в чеку**.

... Давыдов и Суперфин сидели в карцере в связи с тем, что началась еще одна волна пресечения жалоб. Перестали объявлять ответы, то есть ответы объявляются, но это делается так, что невозможно ни понять, ни услышать ничего. И отказываются показать тебе текст, на обороте которого тебя заставляют расписываться. Расписываться требуют, потому что закон это предусматривает — расписаться на обороте, а вот показать лице-

* Глузман содержится в Пермском лагере № 35 — *Ред.*

** Имеется в виду "Пособие по психиатрии для инакомыслящих", опубл. "Хроника защиты", № 13 — *Ред.*

вую сторону отказываются. Ну вот, они отказались подписывать, в связи с этим возникли там какие-то трения, и их обоих посадили в карцер, формально — за грубость с работником спецчасти, хотя оба, конечно, вели себя крайне корректно.

Плохо очень с состоянием здоровья у Антоюка (Зиновий Павлович Антоюк, киевская группа). У него кроме очень тяжелой болезни печени и очень застарелого костного туберкулеза сейчас очень обострилась болезнь сердца. Настолько обострилась, что даже наши тюремные врачи это признали и пытались что-то там посмотреть, но они ведь ничего всерьез не сделают, это только так пойдет — разговоры. А состояние у него плохое, он теряет сознание периодически. Приходится вызывать срочно фельдшера, а это всегда связано с тем, что надо ломать дверь, потому что иначе не приходят. Так что это очень неприятная, тяжелая вещь.

Новая наша беда там — это полный запрет на книги, журналы и так далее. "Книга — почтой", была такая у нас система, начали ограничивать следующим образом. Ну, вот вам юридическая формулировка, может быть, единственному нужна, тут, я вижу, мне приходится все это округлять и говорить просто "запрещают". На самом деле все сложнее. У нас новый начальник тюрьмы. Теперь начальник тюрьмы — подполковник Угодин. Его ли это инициатива или это приказ сверху — я не знаю, но начались сразу же гонения на книги и журналы. Первым делом он запретил сначала выдавать со склада личных вещей любые книги. Вот ты получил книгу, сдал на склад, а взять уже ее со склада ты не можешь. Ну, это настолько было резко, грубо и нагло, что мы объявили голодовку тут же, причем получилось немножечко не синхронно: раньше начали Суперфин и Попадюк (это было в сентябре), они числа 23-го начали голодовку, числа 29-го включились еще две камеры — в одной было человек 7, в другой — человека 3, и 30-го дошла эта новость до нас, и наша еще камера включилась. Общее количество голодавших — 5 камер — 18 человек. Это было сделано очень быстро и эффективно, им пришлось отступить. Приехал прокурор, отменил это распоряжение, обругал Угодина и уехал. Книги стали выдавать. Но он продолжал это дело. Потом он изыскал такое объяснение: стал запрещать выписывать через "Книга — почтой" учебники. Ссылался он на 65 параграф приказа 20 на

том основании, что в параграфе 65 сказано, что заключенным разрешается иметь в камере пять книг, брошюр и журналов, кроме учебников (для учащихся). Из этого текста он сделал вывод такой: что учебники разрешается вообще получать только учащимся. На этом основании были запрещены всякие учебники. После этого, ссылаясь на параграф 65 того же приказа № 20, были запрещены все книги по медицине, юридические книги и, как было нам сказано, всякая специальная литература (термин не разъяснялся). Это вывод из 69 параграфа опять-таки следующего содержания: 69 параграф трактует о книгах библиотечных в тюрьме — какие должны быть книги в библиотеке любой тюрьмы и, соответственно, выдаваться заключенным. Но, конечно, это не касается ни "Книга — почтой", ни чего-либо другого.

Далее. Как раз в это время начались подписки на газеты и журналы. Автоматически на все журналы медицинские, юридические (мне, например, на биологический журнал, реферативный журнал биологии ВИНТИ) было запрещено подписываться. Айрапетову, который со мной сидел (он — врач-стоматолог), запретили журнал "Стоматология"; журнал "Здоровье" запрещен как медицинский. Очень странно. Кроме того, на "Курьер ЮНЕСКО" мне было отказано подписаться. Было мне заявлено, что этот журнал издается не в СССР, поэтому по статье 25 ИТК не может быть выписан. Но у него же на обороте дан адрес русской редакции, это явно издается в СССР как русское издание, русский вариант. Я пытался это дело пробить, но вот не успел — освободили. Вопрос был в том, как скоро все эти сведения выйдут на волю, потому что вопрос стоял о длительной голодовке нас всех там во Владимире. Прежде, как только мы получали подтверждение с воли, что все известно, так тут же мы объявляли голодовку. На момент моего выезда подтверждение к нам не пришло. Как я выяснил теперь, на воле это было уже известно, не успели только дать подтверждение. По моим подсчетам, буквально в плюс-минус три дня должна быть голодовка, причем это будет крайне тяжелая голодовка. Все истощены и больны, а будут голодать упрямо и нудно. Я уже здесь на пресс-конференции воззвал ко всем, кому мог, ну, и надеюсь, вы в Америке тоже что-нибудь делаете.

PERSONALIA

Александр Гинзбург

Власти продолжают притеснять бывшего политзаключенного Александра Гинзбурга, известного, в частности, своими усилиями по организации помощи политзаключенным и их семьям.

Александр Гинзбург (р. 1936 г.) — еще до того как стал подсудимым известного процесса 1968 года, проявлял общественную активность. В 1959-60 гг. он выпустил под своей редакцией три номера литературного журнала "Синтаксис". В 1964 г. он был арестован по обвинению в антисоветской агитации, но дело не получило развития.

В 1966 г. Гинзбург составил "Белую книгу по делу Синявского и Даниэля", которая была опубликована на Западе. Демонстрируя свое право публиковать материалы об открытом судебном процессе, Гинзбург передал копии "Белой книги" депутатам Верховного Совета СССР. Вскоре (23 января 1967 г.) он был арестован по обвинению в антисоветской агитации.

С 8 по 12 января 1968 г. Александр Гинзбург был судим Московским городским судом вместе с Юрием Галансковым, Верой Лашковой и Алексеем Добровольским. Этот процесс вызвал беспрецедентно массовую активность многих интеллигентов, выступивших с многочисленными петициями в защиту подсудимых*.

В своем последнем слове Александр Гинзбург заявил:

"... меня обвиняют в том, что я составил тенденциозный сборник по делу Синявского и Даниэля. Я не признаю себя виновным. Я поступил так потому, что убежден в своей правоте. Мой адвокат просил для меня оправдательного приговора. Я

* Подробнее об этом процессе см. книгу "Процесс 4-х", составленную Павлом Литвиновым, Фонд им. Герцена, 1971. Там же более подробные биографические сведения о Гинзбурге.

знаю, что вы меня осудите, потому что ни один человек, обвинявшийся по статье 70, еще не был оправдан. Я спокойно отправляюсь в лагерь отбывать свой срок. Вы можете посадить меня в тюрьму, отправить в лагерь, но я уверен, что никто из честных людей меня не осудит. Я прошу суд об одном: дать мне срок не меньший, чем Галанскову.” (В зале смех, крики: ”Больше, больше!”)

Он был приговорен к 5-ти годам лишения свободы (Галансков — к 7-ми годам, в 1972 г. он умер в лагере).

В местах заключения Александр Гинзбург неоднократно участвовал в выступлениях в защиту прав политзаключенных.

После выхода из заключения Александр Гинзбург был помещен под административный надзор и проживал в городе Тарусе. Впоследствии административный надзор был неожиданно возобновлен, и он продолжал подвергаться различным притеснениям и придишкам со стороны властей.

В настоящее время Александр Гинзбург по-прежнему проживает в Тарусе, его семья — в Москве. Попытки Гинзбурга посетить свою семью вызывают придишки властей и угрозы возбудить против него судебное дело по обвинению в нарушении паспортных правил (как это сделали с Марченко, отбывающим теперь пятилетний срок ссылки).*

В то же время Александр Гинзбург не раз подвергался ”резкой критике” (если не употреблять слово ”клевета”) со стороны советской прессы. По поводу одной из таких статей в советской прессе (”Известия” № 144, 18 июля 1976 г.) с публичным опровержением выступил Анатолий Марченко — его текст распространен в самиздате.

Не так давно власти угрожали Гинзбургу преследованием за тунеядство, несмотря на то, что он работает, в соответствии с официально оформленным договором, секретарем академика Сахарова. В связи с этим Сахаров заявил милиции свой протест в том смысле, что действия против его секретаря Гинзбурга являются формой преследования не только Гинзбурга, но и лично его.

Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР недавно распространила информацию о притеснениях Гинзбурга. Заявление Группы подписали Орлов, Алексеева,

* О деле Марченко см. его книгу ”От Тарусы до Чуны”, Хроника,

Ланда, Корчак, Боннэр и Петр Григоренко. Авторы заявления полагают, что предвзятое отношение к Гинзбургу органов милиции объясняется только тем, что он является распорядителем солженицынского фонда помощи политзаключенным Советского Союза и активным членом Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР.

О своей деятельности как представителя солженицынского фонда Александр Гинзбург заявил 21 апреля 1974 г. Он так высказался о своей деятельности по организации помощи политзаключенным и их семьям:

”Легко предвидеть, что на этом пути возникнут новые препятствия, в особенности на первых порах — как всегда в нашей стране, когда гласными становятся не славословия властей, а горькие свидетельства результатов их власти.

Но я разделяю убеждение Солженицына, что правота силы неизбежно должна уступить силе правоты.

И добра”.

ЮРИДИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

В. Чалидзе

О ЗАКОННОСТИ И ПРОИЗВОЛЕ В ПРИМЕНЕНИЯХ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОГО ПРАВА*

Из официальных юридических публикаций почти ничего не известно о применении этой области советского законодательства. Общество ограждено от информации о лагерях почти так же, как и от их обитателей. Журнал "К новой жизни", издаваемый для работников мест заключения, содержит некоторую информацию, но он не поступает в открытую продажу. Даже сообщения об уголовных делах при совершении преступления в местах заключения очень редко попадают в публикации верховных судов. Лагерная цензура не разрешает заключенным писать об условиях содержания (известен пример, когда не разрешили написать, что "кормят неплохо").

Только из сообщений неподцензурной публицистики мы можем узнать о том, как нормы закона применяются на практике в этой области, как эти нормы дополняются тайными инструкциями; узнать о том, насколько инструкции противоречат закону и насколько практика противоречит и инструкциям, и закону. Авторами этих сообщений являются политзаключенные, причем часто те, кто попал в заключение за свою правозащитную деятельность, — именно этот факт придает больше веса их сообщениям, ибо мы можем оценить серьезность подхода автора, в частности, по его деятельности, предшествовавшей заключению. Разумеется, к этому источнику надо относиться критически, даже зная его добросовестность, как к любым свидетельским показаниям. Особенно это касается случаев, когда политзаключенные вынуждены цитировать по памяти законы, не имея возможности свериться с текстом; но такие возможные ошиб-

* Сокращенный текст выступления на конференции "Советское право и личность", октябрь 1976 г., Нью-Йорк.

ки вызывают неточности в оценке фактов, а не в самом свидетельстве о факте.

Этот источник информации освещает лишь небольшую часть территории, на которой применяется исправительно-трудовое право: в основном, мордовские и пермские колонии и Владимирскую тюрьму. Особо интересен вопрос: по уровню произвола, по уровню отступлений от норм закона места содержания политзаключенных лучше или хуже остальных мест заключения? Казалось бы, стремление властей и чиновников жестче подавить своих политических противников должно привести к тому, что в отношении политзаключенных должно быть больше злонамеренных отступлений от закона. Такой вывод был бы, однако, поспешным. Для тех, кто знаком с обыденной советской жизнью, я думаю, ясно, что обычно произвола больше там, где дальше от гласности и от центральных властей. В более жесткие времена политзаключенная Евгения Гинзбург писала, что, по ее опыту, больше порядка там, где ближе к смерти, то есть в более серьезных тюрьмах. В отношении следственных тюрем и теперь известно, что в тюрьме КГБ Лефортово гораздо меньше местного произвола, чем в ординарной следственной тюрьме, куда попадают обычно уголовники. Сказанное означает, что сообщения политзаключенных более ценны для юридического изучения по сравнению с сообщениями из уголовных колоний, ибо они говорят о ситуации в большей степени очищенной от местного произвола, характерного для обычных колоний для уголовников, то есть мы узнаем почти в чистом виде о том, каков *централизованный произвол* в этой области применения права. Этот вывод очень важен, ибо обычно в советской жизни очень трудно отличить, когда чиновник нарушает закон по своей злобности, лени и неграмотности, а когда — по тайной инструкции из центра. Тюремщики политзаключенных в последние годы, естественно, должны опасаться своевольно нарушать закон, так как знают, что высшие власти узнают об этом если не из жалоб политзаключенных, то из передач зарубежного радио и из "Хроники текущих событий".

Из того, что мы знаем о систематических отклонениях практики от норм закона за последние годы, можно сделать предположительный вывод о том, что разрыв между законом и практикой углубляется.

Это происходит, по-видимому, преимущественно именно за счет централизованного произвола, то есть благодаря тому, что МВД все более отстает от требований духа закона в своих инструкциях или поощряет чиновников на самочинные отклонения тем, что ослабляет борьбу с этими отклонениями. Следует заметить, что местный произвол за эти годы, наоборот, мог уменьшиться за счет того, что кадры тюремщиков, воспитанных сталинской лагерной системой, постепенно заменяются новыми, этой школы не прошедшими, — я понимаю, это лишь интуитивное соображение. В любом случае, для правоведа более интересен произвол централизованный.

Я говорю именно о противоречии духу закона, имея в виду, что хотя принятие Основ ИТ законодательства — один из последних актов периода законодательных реформ, но в то время, когда эти законы только готовились, у многих правоведов и высших государственных чиновников, я думаю, действительно было искреннее желание отныне жить по закону лишь с самыми необходимыми отклонениями: свежи были воспоминания о том, к чему привел произвол недавнего прошлого, и это, конечно, повлияло на дух этих законов. Но и тогда, кроме тех, кто был воодушевлен духом законодательных реформ, была целая армия средних и низших чиновников, которая этому духу законодательных реформ сопротивлялась, руководствуясь не только прежними привычками, но и интересами успеха практической работы, как они этот успех понимали. Это обычное социальное явление, и это сопротивление чиновников закону может быть преодолено лишь, если центральная власть сама не отстает от закона и дает заинтересованным лицам возможность защищаться от нарушений закона посредством действенных процедур. Но именно этого и не дали законодательные реформы во всех областях права. Мы видим теперь, что они не помешали центральной власти допускать систематические отклонения от духа закона, вплоть до того, что на практике деятельность мест заключения регулируется практически целиком инструкциями МВД, которые весьма далеки по своему характеру от духа опубликованных законов. (Например, у читателя Основ ИТ законодательства вряд ли возникнет впечатление, что на основе этого закона можно издать инструкцию, воскрешающую рабский обычай давних времен: чтобы заключенный снимал

шапку перед начальством.)

Но я все время говорю о противоречии инструкций *духу закона*. Противоречат ли они и букве закона? Анализ того, что известно об этих инструкциях, заставляет признать, что формально они противоречат закону разве что в редких случаях. Самые дикие нормы инструкций оказываются не в формальном противоречии с ИТ законом. Например, из акта о нормах питания заключенных известен пункт 9Б, предусматривающий в карцере выдачу горячей пищи через день, а в дни невыдачи горячей пищи — лишь 450 г (1 фунт) хлеба, соль и кипяток. Это жесткая норма, ее нет в законе, но в законе есть общая норма о том, что нормы питания зависят от отношения заключенного к труду: пределы этой зависимости закон не указывает. Правда, сказано, что заключенные получают питание, обеспечивающее нормальную жизнедеятельность организма, но где дефиниция? Как критик, я согласен, разумно признать жесткую норму о питании в карцере противоречащей закону. Но для изучения взаимодействия права и произвола важно различать случаи произвола, когда деятель сознает, что он нарушает закон, от случаев, когда он убежден, что исполняет закон. Я не думаю, что авторы этой жесткой нормы о питании считают, что они нарушили закон*.

В большинстве известных случаев и как критик я могу признать, что инструкция формально не противоречит закону.

Похоже, при издании инструкций соответствующие органы систематически используют не на благо заключенным *злоупотребление правом*, то есть такой способ заполнения пробелов закона или исправления данных законом полномочий, при котором закон формально не нарушается, но тем не менее в действие вводятся нормативы, которые по антигуманному характеру своему не могли бы в свое время быть включены законодателем в текст закона.

Все эти годы шло постепенное ужесточение режима, в частности, посредством заполнения пробелов в законе жесткими

* Другое дело — в случаях намеренно искаженного толкования закона или иного текста. Например, стало известно, что евреям в СССР теперь часто отказывают в визе со ссылкой на Хельсинкское соглашение, где говорится о воссоединении семей; отказывают потому, что родственники в Израиле, по мнению советских чиновников, недостаточно близкие.

нормами инструкций. Напомню, что речь идет об ужесточении режима по сравнению с тем, что предусмотрено и так весьма жестоким законом. О том, сколь жестоким является это заполнение пробелов закона, можно судить не только по неподцензурной публицистике, но и по изданным в СССР Комментариям к Основам и кодексу: судя по всему, авторы их были знакомы с неопубликованными правилами внутреннего распорядка и много сведений заимствовали именно из этих правил и приложений.

В то же время закон с самого начала не предоставил заинтересованным лицам возможность защищаться посредством действенных процедур. Что предоставлено — так это право жаловаться, причем и это право все более ограничивается: по недавнему сообщению, администрация Владимирской тюрьмы по согласованию с МВД и прокуратурой приостановила отправку жалоб заключенных в центральные органы. Но даже без ограничений право негласных жалоб совершенно недействительно, и неподцензурные источники изобилуют сообщениями о том, как прокуратура избегает вмешательства в дела мест заключения. Если же заключенный ухитрится обойти цензуру и предаст свою жалобу гласности — это станет источником угроз и притеснений со стороны администрации.

В существующих условиях можно предполагать, что тенденция к большей бесконтрольности и автономии системы исправительно-трудовых учреждений от закона будет усиливаться. Пока что не видно, какие факторы могли бы помешать этой тенденции; во всяком случае, факт ратификации СССР Пактов о правах человека пока что не оказал какого-либо влияния на ситуацию в этой области. Хотя Пакты не содержат разработанных норм относительно пенитенциарной системы, тем не менее весьма важно и то, что в них есть на эту тему, тем более что СССР не считал для себя имеющими рекомендательную силу принятые конгрессом ООН "Правила-минимум об обращении с заключенными". Я имею в виду статью 10 Пакта о гражданских и политических правах, гласящую, в частности, что "все лица, лишены свободы, имеют право на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности". При всей неопределенности этой формулировки она все же прямо утверждает *право человека* в отличие от формулировки

статьи 1 Основ ИТ законодательства СССР, которую при случае Советский Союз может считать аналогом цитированной формулы Пакта. Именно, в ст. 1 говорится: "Исполнение наказания не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства". Достаточно очевидно, что наказание причиняет физические страдания и унижает достоинство без того, чтобы иметь это своей целью; это поймет каждый тюремщик.

Покажется странным, что я ценю цитированную формулу Пакта, хотя нет никакой надежды на скорую реализацию возможности защищать это право посредством действенных процедур. Но я убежден, что осознание материальной гарантии права само по себе ценно, тем более что в общем развитии правосознания оно обычно предшествует осознанию ценности процедурных гарантий.

* * *

Несколько общих замечаний о соотношении законности и произвола в советском государстве. Было бы весьма утешительно для теоретика, если бы действие советской правовой системы и государственного аппарата можно было бы описать посредством простой схемы: существует большинство — хорошие советские, для них действует закон, и плохие советские — в отношении них действует политически мотивированный государственный произвол.

Но все гораздо более сложно и запутанно. Есть много уровней произвола, но если говорить даже только о политически мотивированном произволе, то он распространяется вовсе не только на плохих советских, но на всех. На практике хорошими советскими именно те и являются, кто не только не протестует против такого произвола, но не различает законное поведение власти от ее произвола, точнее — считает указание начальства и парторга законом для себя, а закон в обычном смысле считает законом для начальства, которое знает, как его толковать и когда нужно от него отклониться. Что бы ни говорила советская пропаганда о пользе соблюдения социалистической законности, людей воспитывают именно в таком духе, что слово начальства и парторга — закон. Как только человек активно усомнился в этой полезной истине, он рискует попасть в чис-

ло *плохих советских*, а то и в число *совсем не советских*. От людей требуется *лояльность закону*, но от них требуется и *лояльность произволу* властей. Наиболее яркой иллюстрацией этого является преследование инакомыслящих, которые требуют соблюдения закона, сопротивляясь произволу. Это немногочисленные случаи, о которых становится известно. Но есть, наверное, миллионы случаев того, как человек на свою беду не проявил лояльности произволу, предпочитая лояльность закону. Простейший пример: человека вызывают в милицию без всякой политической подоплеки и просят рассказать о его соседе. Пока что он еще хороший, свой. Но стоит ему спросить, на каком процессуальном основании его вызвали и спрашивают, ему укоризненно скажут: "Ну, мы же с Вами по-хорошему..." — и он станет уже подозрителен политически, он уже не свой. Несколько подобных случаев разногласий с милицией, или начальством, или парторгом — и за ним укрепится репутация человека чуждого и политически неустойчивого, а бытовые практические последствия не заставят себя ждать.

Выше я говорил, что известные инструкции в пенитенциарной системе, по-видимому, не слишком противоречат закону (если забыть о существовании спецлагерей, вообще в законе не упомянутых). О других областях известно больше. Известно, например, что существует колоссальное количество политически мотивированных тайных инструкций и приказов в области трудового права, во многом противоречащих закону: я имею в виду не только более известный централизованный произвол с целью политической и национальной дискриминации для интеллигентных профессий, но и произвол в отношении рабочих, включая контроль профсоюзов и инструкции о незаконных обысках на предмет обнаружения водки или трудоустройства тех, кто часто меняет место работы. Подобная ситуация существует и в применении других областей права, включая такие далекие от политики области, как жилищное, семейное и т. д.

И разумно помнить, что централизованный произвол не только политически мотивирован — от публикации как закона власти скрывают все, что стыдно и вредно опубликовать*.

* Например, чиновники имеют указания препятствовать обмену жил-

Резюмируя эти краткие замечания, скажу, что политически мотивированный произвол в СССР тотален не только тем, что касается всех граждан и пронизывает все области государственной деятельности, но и тем, что законодатель не считает свое творчество чем-то независимым от произвола, напротив, очень часто в законах видно, как законодатель оставляет место действия для политически мотивированного произвола: я имею в виду особенности советской законодательной техники — обилие пробелов, неопределенность норм, отсутствие дефиниций во многих важных случаях и даже прямые несоответствия текстов разных законов, а также делегирование законодательных функций правительственным органам в важных случаях и обилие негласного законодательства.

площади тогда, когда семья хочет объединиться с престарелой бабушкой, живущей отдельно, чтобы для семьи не пропала комната в случае ее смерти, — в этом случае произвол не мотивирован политически, но стыдно и вредно опубликовать такую инструкцию.

МЕСХИ-ТУРКИ ИЛИ МЕСХИ-ГРУЗИНЫ*

На 26-й странице книги академика Андрея Сахарова "О стране и мире", изданной в Нью-Йорке издательством "Хроника" в 1975 году, читаем следующее: "Тюрьмы и особенно психиатрические больницы переполнены людьми, пытавшимися тайно уехать из страны или прорывавшимися для этого в посольство, после того как они отчаялись осуществить это свое право официальным путем; надоедливыми жалобщиками и "борцами за справедливость". В заключении — десятки крым-

*** Комментарий В. Чалидзе:**

В последние годы активизировались усилия грузинской интеллигенции в том, чтобы помочь старому грузинскому племени — месхам — возвратиться на родину после жестокого выселения их в 1944 году.

Для решения вопроса о праве насильственно выселенного племени возвратиться на родину не имеет никакого значения исследование того, к какой именно национальности оно принадлежит: в Грузию вправе возвратиться все те, кто противоправно был оттуда выселен, в том числе выселенные немцы и греки. Власти не вправе навязывать месхам обязанность проживать вне их родины Грузии ни на основании того, что они мусульмане, ни на основании того, что некоторые из них называют себя турками.

Однако вопрос о том, что помимо препятствий к возвращению в Грузию власти навязывают всем месхам другую национальность и культуру, — этот вопрос не может не волновать и месхов, и грузинскую интеллигенцию, т.к. такие действия несомненно являются нарушением права этнической группы на развитие свойственной ей национальной культуры.

В этом смысле весьма важна публикуемая здесь справка М. Костава.

В русской неподцензурной публицистике действительно была путаница в этом вопросе. То, что месхи — грузинское племя, — было несомненно. (Шота Руставели назвал себя месхом из Рустави.) Но некоторые представители месхов, обратившиеся в 1971 году в Комитет прав человека в Москве, склонялись к тому, чтобы называть себя "месхи-турки"; я помню, что тогда мои попытки разрешить это противоречие не дали результата. Именно с этим связано то, что термин "месхи-турки" вошел в употребление в русской неподцензурной публицистике.

Я надеюсь, однако, что публикация этого комментария и статьи М. Костава не будет истолкована как попытка навязать грузинскую национальность тем бывшим жителям Месхетии, которые по каким-то причинам считают себя турками.

ских татар и месхов-турков”.

В этом отрывке, по некоторым причинам, особенно привлекло мое внимание слово ”месхи-турки”, о движении которых я не раз читал в ”Хронике текущих событий”. Кто же эти месхи-турки, откуда они появились в РСФСР и в республиках Средней Азии, как произошло это составное слово?

Эти месхи, называемые турками, в действительности потомки того грузинского племени месхов, которое еще древние греки знали под именем месхов и у которых по греческому же преданию учился мудрости сам Пифагор. Граница месхов на юге достигала до истоков реки Аракса, и из этого же племени было впоследствии создано большое грузинское княжество ”Самцхе-Саатабаго”. Месхи были лучшими воинами, авангардом грузинского войска при царе Давиде Строителе и царице Тамаре (XI-XII в.). Как правило, среди них избирался полководец, называемый атабагом. (См. летопись Грузии ”Картлис Цховреба”.) Этот край являлся очагом монастырской культуры, поприщем известных подвижников Григория Ханцтели и Георгия Мерчуле, родиной поэта Шота Руставели, ваятелей Бека и Бешкена Опизари, богословов-писателей Иоанна и Георгия Мтацминдели, героев Ивана и Шалвы Ахалцихели и т.д. Действительно должны были закрутиться жернова судьбы над головой месхов, чтобы их переименовать турками. Вот краткая история этого события.

В 16-м веке после долгих натисков турки отобрали у Грузии княжество ”Самцхе—Саатабаго” и, несмотря на героические усилия, на протяжении трехсот лет все же смогли омульманизировать месхов-грузин. Аграрный закон Турции в те времена гласил: ”Вся земля принадлежит Аллаху и владеть ею могут только последователи его законов, т.е. мусульмане. А защитником законов Аллаха считался турецкий султан. В Турции отождествлялось служить султану и считаться военно-обязанным. Соблюдать законы султана означало быть последователем Аллаха и владельцем участка земли. Так в этом краю для грузинского крестьянина стало дилеммой мусульманизироваться или погибать”.*

Заселяли те края тюркскими племенами, начали насильст-

* Шота Ломсадзе, кандидат исторических наук, ”Мусульманизировани месхов-грузин”, 1962, Тбилиси.

венно культивировать турецкий язык, но все же не сумели задуть у месхов национальное чувство, искоренить родной язык.

После воссоединения Грузии с Россией в результате русско-турецкой войны (1828-29 г.г.) к Грузии присоединилась часть Ахалцихского пашалика, районы Ахалциха и Ахалкалаки.

И разразились новые беды над головою месхов. Правительство царской России умышленно не различало национальность от вероисповедания и грузинских мусульман нарочно сочло турками. В 1829 году рукою главуправителя Грузии Паскевича оно выселило из родных мест в Турцию множество мусульманизированных грузин и на их место переселило оттуда 30.000 армян. Но оставшиеся на родине месхи не оказались в лучшем положении. В 1900-е годы для грузинских мусульман этого края правительство открыло турецкие школы, которые существовали до 1930-х годов. В 1930 году уже советское правительство вместо грузинских школ для месхов-грузин открыло азербайджанские школы, хотя большинство населения говорило на грузинском языке и желало грузинские школы.

Как видно, и советское правительство также умышленно не различало национальность от вероисповедания, и вновь закрутились неумолимые жернова над головою месхов.

В 1944 году 300 тысяч грузин-месхов обманом и насилем были вытолкнуты в течение нескольких ночей с родной земли и высланы как турки в республики Средней Азии, не считаясь с их происхождением, с грузинской речью, грузинскими фамилиями и потоками крови, пролитыми для сохранения национального облика. В тяжелых климатических условиях многие из них погибли или тяжело заболели. Так что "попечение" советского правительства в стократ переросло старания турков и царской России парализовать национальное сознание этого народа. Оно живо и по сей день.

Во времена Хрущева и Брежнева, когда возвратились в родные края высланные советским правительством чеченцы, ингуши и т.д., естественно возник и вопрос возвращения месхов-грузин на родину. Вначале сами месхи возвысили голос, и вскоре вся грузинская передовая интеллигенция присоеди-

лась к ним. Вопросы об их грузинском происхождении и о незаконном акте, совершенном против них, были научно и юридически изучены и представлены грузинскому правительству. Усердное участие в этом деле проявили ныне доктор исторических наук Шота Ломсадзе, специально изучающий месхский вопрос; музыковед профессор Павел Хучуа и т.д., а также профессор доктор биологических наук Г.Ф. Дебец, исследование которого было отослано Московским институтом этнографии имени Миклухо-Маклая при Академии наук СССР в Ташкент. "Турки — это мусульманизированные и в значительной степени отуреченные по языку грузины (месхи)", — писал он.

Казалось, все обстоит благополучно, и месхи вот-вот достигнут желанной цели, но внезапно Москва одним взмахом руки остановила хорошо начатое дело и разрешила месхам поселиться в любой республике СССР, кроме Грузии. Этим правительство, если ничего не говорить о Международной декларации защиты прав человека, которую подписывал и СССР*, грубо нарушило тот пункт советской Конституции, где говорится о свободе выбора места проживания в Советском Союзе для любого гражданина**. Такой запрет не смог искоренить в сердцах месхов желание возвратиться на родину, лучшие сыновья которых непрерывно посылали и посылают просьбы и письма протеста в правительственные органы СССР и ГССР. Они группами приезжают в Грузию, ждут помощи и сострадания от правительства, отстаивают законное, естественное право возвращения на родину, но голос их остается гласом вопиющего в пустыне. Нельзя без боли в зирать на этих отчаявшихся людей, раздробленных по огромной территории СССР, трепетно ищущих родную пристань. Ничего не изменилось при секретаре ЦК Гру-

* Не ясно, какой международный документ имеет в виду автор. Всеобщая декларация прав человека, вопреки распространенному суждению, не подписывалась государствами. В 1948 г. Советский Союз воздержался при голосовании о ее принятии на Генеральной Ассамблее ООН. Возможно, здесь имеется в виду Конвенция о преступлении геноцида, ратифицированная СССР (см. "Сборник конвенций по правам человека, ратифицированных Советским Союзом", изд. "Хроника", Нью-Йорк, 1975) — *Ред.*

** По-видимому, автор имеет в виду Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик (ст. 9); Конституция СССР не содержит нормы о свободе выбора места жительства — *Ред.*

зии Э. Шеварнадзе. И он остерегается угрожающего пальца из Москвы. Так что ни во что не ставят общее желание неправых месхов и так же неправой грузинской интеллигенции. Месхам-грузинам запретили не только возвращаться на родину, но и записываться в паспорте грузинами. Их записывают азербайджанцами. Такое несчастье не постигало даже евреев на протяжении всей их кровавой истории. Они испытали диаспору, ужасные погромы царской России, немецкие газовые камеры, советский антисемитизм, но национальности еще никто не отбирал у них. Случай с месхами беспрецедентное явление во всемирной истории. Насильственно мусульманизирующие грузин турки и то не посягали на национальность. Они называли и ныне называют грузин-мусульман гурджами, что по-турецки означает грузин. Такое поведение советского правительства пахнет заговором против грузинского народа, корни которого глубоко скрыты на севере, а в глаза бросаются выросшие на поверхность стебли и ветви, символизирующие ЦК Грузии. Весною 1976 года в Тбилиси приехали представители выселенных месхов-грузин, Джемал Абашидзе и поэт Алихан Абастуманели, и попросили приема у первого секретаря ЦК Грузии Э. Шеварнадзе для разъяснения наболевших для них вопросов, но начальник приемного отделения Шеварнадзе — Иашвили — ответил им: "По поводу национального вопроса Шеварнадзе никого не принимает, — и добавил, — какое значение имеет, где будешь проживать на территории СССР". А на вопрос о восстановлении национальности он не замедлил ответить: "Не все ли равно, кем будешь записан в паспорте, национальный вопрос в Советском Союзе давно решен". Так бессердечно отделались Шеварнадзе и Иашвили от измученных, приехавших издалека месхов-грузин, надеющихся на помощь соотечественников, и отпустили обратно к ожидающим собратям без ответа. Легче было выкупить похищенных и проданных на Стамбульском базаре пленников-грузин, чем возвратит на родину месхов-грузин.

Теперь уже естественно подошли к вопросу: почему Сахаров и "Хроника текущих событий" употребляли именно слово "месхи-турки" вместо "месхов-грузин"? Мы ведь знаем стремление к объективности и уважаемого академика, и составителей "Хроники текущих событий".

Как известно, в 1944 году кроме грузин-месхов советское

правительство из южной Грузии выслало также заселенные раньше в эти места тюркские племена и татар, о которых профессор Г. Дебец пишет, что они азербайджанцы или, что то же самое, карапахи. Надо думать, что именно эта часть переселенцев требовала эмиграции в Турцию. Точно так же объяснили нам это явление недавно приехавшие в Тбилиси месхи-грузины. Как видно, именно с теми имели контакт московские интеллигенты, защитники прав человека. А историю месхов они, видимо, не знали.

Так что когда говорят месх — там ни при чем турок, и наоборот. Совместное употребление этих слов — чистейший нонсенс. Месхи — старейшее грузинское племя, насильно изъятые из собственной земли и бесстрашно борющиеся за возвращение на родину. Тем более важно в любом случае правильно употреблять эти слова.

19 июня 1976 г.

Мераб Костава

Член Инициативной группы защиты прав человека в Грузии.

ПОПРАВКИ К "ХРОНИКЕ ЗАЩИТЫ" 22

Стр. 46, 8 строка снизу. Напечатано "Шидко", должно быть — Михаил Житков.

Стр. 5, 9 строка сверху. Напечатано "Гании", должно быть — Ганджи.

БИБЛИОГРАФИЯ

Поступления Самиздата

Айрикян П. Последнее слово (запись на суде, перевод с арм.), 22 ноября 1974 г.

Арутюнян Ш. Заявление Председателю Президиума Верховного Совета СССР с просьбой о лишении советского гражданства и выезде за пределы СССР, 30 июля 1976 г.

Ассельбаумс Т., латыш, политзаключенный. Письмо другу в ФРГ (с приложением сообщения об Ассельбаумсе).

Барлодяну В. Обращение ко всему христианскому миру, ко всем людям доброй воли, 17 июня 1976 г.

Басараб Д., политзаключенный. Заявление в Отдел административных органов ЦК КПСС, 31 мая 1976 г.

Бернштам М. "Что означают события минувшей недели" (об аресте П. Старчика, арестах художников в Ленинграде, об угрозах Евгению Барабанову, Льву Регельсону и Владимиру Борисову), 21 сентября 1976 г.

Буковская Н.И. Письмо английскому психиатру Генри Дику, 29 октября 1976 г.

Верхоляк Д., политзаключенный. Запрос в Президиум Верховного Совета СССР о правомерности акта, запрещающего осужденным регистрацию брака, июнь 1976 г. (опубл. наст. вып.).

Гамсахурдиа З. Письмо в редакцию журнала "Ньюсвик" по поводу опубликованной в нем статьи о Грузии, 22 мая 1976 г.

Горбовый В., украинец. Открытое письмо Косыгину с просьбой о реабилитации и выезде из СССР, 28 июля 1976 г. (перевод с украинского).

Калинец И., политзаключенный. Письмо начальнику отдела КГБ Львовской обл., 10 июня 1976 г. (на украинском языке).

Костава М. Статья "Месхи-турки или месхи-грузины", 19 июня 1976 г. (опубл. наст. вып.).

Лернер А. Письмо Президенту АН СССР А. Александрову, 19 марта 1976 г.

Маложенский В., политзаключенный. Два заявления адвокату Швейскому, декабрь 1975 г. и апрель 1976 г.

Мамчур С., политзаключенный. Письмо Раймону Гоору, члену секретариата Международного комитета за европейскую безопасность и сотрудничество, с просьбой помочь получить Библию, 1976 г.

Марченко А. Публичный ответ газете "Известия" на статью Михайлова и Кассиса "Колодец с гнилой водой" ("Известия", 18 июля 1976 г.).

Марченко В., политзаключенный. Открытое письмо журналистам ГДР (на украинском языке).

Марченко В., политзаключенный. Запрос в Президиум Верховного Совета СССР, июнь 1976 г.

Мельчук И., московский лингвист. Открытое письмо коллегам.

Мешко О. Открытое письмо Л. Брежневу в защиту ее сына — политзаключенного Александра Сергиенко, 29 сентября 1976 г.

Мотрюк М., политзаключенный. Письмо сыну (на украинском языке).

Огородников А. Сообщение о проведенном у него обыске и о преследованиях его друзей, Москва, июнь 1976 г.

Османов М., крымский татарин. Заявление Генеральному Секретарю ЦК КПСС Л. Брежневу с просьбой помочь прописаться в Крыму, 5 мая 1976 г.

Пидгородецкий В., политзаключенный. Заявление в Отдел административных органов ЦК КПСС, 31 мая 1976 г. (на украинском языке).

Поповский М. Письмо делегатам VI съезда писателей СССР, 17 июня 1976 г. (опубл. наст. вып.).

Романюк В., священник, политзаключенный. Обращение к иерархам украинской католической и православной церкви, к руководителям баптистской Церкви, ко всем верующим украинцам на чужбине.

Романюк В., священник, политзаключенный. Обращение к конгрессу, правительству и народу США с просьбой принять его в гражданство США.

Романюк В., священник, политзаключенный. Обращение во Всемирный Совет Церквей, в "Международную Амнистию", в Международную организацию юристов (опубл. наст. вып.).

Симчич М., политзаключенный. Заявление в Президиум Верховного Совета СССР (опубл. наст. вып.).

Халич Д., крымская татарка. Заявление Генеральному Секретарю ЦК КПСС Л. Брежневу с просьбой помочь прописаться в Крыму.

Чакалова Ш., крымская татарка. Заявление Л. Брежневу о попытке выселения ее семьи из Крыма, май 1976 г.

Чакалова Ш., крымская татарка. Обращение с описанием жизни ее семьи в Крыму – без прописки и без работы, 20 июня 1976 г.

Шиманов Г. Открытое письмо Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Пимену, 15 июля 1976 г.

Шовковый В., политзаключенный. Письмо главному редактору газеты "Известия" (на украинском языке).

Юнусова Р., крымская татарка. Жалоба в Президиум Верховного Совета СССР, июнь 1976 г.

Коллективные произведения

Регельсон Л., Якунин Г. Открытое письмо священнику Дзвиду Хаттевею, организация "Освобождение заключенных христиан", Англия, 4 апреля 1976 г.

Регельсон Л., Якунин Г. Письмо Генеральному секретарю Всемирного Совета Церквей Филиппу Поттеру, 6 марта 1976 г.

Регельсон Л., Якунин Г. "На смерть Богатырева", 27 июня 1976 г.

79 советских евреев. Обращение к Рабочей группе по подготовке Всемирного конгресса женщин, к Международной демократической федерации женщин, осень 1975 г.

88 советских евреев. Обращение к Дж. Форду и Дж. Картеру, сентябрь 1976 г.

Более 100 советских евреев. Письмо с требованием свободы узникам Сиона в СССР.

Сборник документов о пятидесятниках, Москва, 1976 г.

Анонимные произведения

Политзаключенные Мордовского лагеря особого режима ЖХ-385/1. Обращение в Комиссию по защите прав человека при ООН (опубл. наст. вып.).

Сообщение о В. Тимохине, находящемся в специальной психиатрической больнице.

Биография политзаключенного-украинца Ивана Геля.

Документы ассоциаций

Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР. Сообщение для прессы об обысках у 3-х бывших политзаключенных и о допросах в Риге в июле, приложение: Дополнительный список арестованных после подписания Хельсинкских соглашений, август 1976 г.

Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР. Документ № 6. О положении бывших политзаключенных в СССР. 1 августа 1976 г.

Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР. Заявление о преследовании четырех членов Группы — Александра Гинзбурга, Анатолия Марченко, Владимира Слепака и Анатолия Щаранского, октябрь 1976 г.

Официальные документы

Протокол обыска на квартире о. Д. Дудко, 20 февраля 1975 г.

Ма-Хун, политзаключенный. Надзорная жалоба, 15 апреля 1976г. (опубл. наст. вып.).

Обвинительное заключение по уголовному делу № 69 в отношении Ю. Гендлера, Л. Квачевского и А. Студенкова, Ленинград, 15 ноября 1968 г.

Обвинительное заключение по уголовному делу № 57 в отношении Ф. Сиденко и В. Патрушева, февраль 1966 г.

Повременные издания

”Хроника текущих событий”, вып. 39, 12 марта 1976 г.

”Память”, исторический сборник, вып. 1, Москва, 1976 г.

ПЕРЕЧЕНЬ ИМЕН (выпуски 19 – 24)

Абастуманели А.23-88	Андропов Ю. 19 – 58;	Беньковская Е. 19 –
Абашидзе Д. 23 - 88	20 – 73	19-21
Абель Э. 20 – 71, 77,	Аникеев А. 23 – 60	Березин Я. 19 – 19-21
22 – 67	Анненес 20 – 46	Берковский Ю.19 –40
Абрамович М.19 – 53,	Аносов Ю. 22 – 61,62	Бернстайн Р.22–17,24
22 – 38	Антонов 20 – 71	Бернштам М. 19 –55;
Абрамович П.19 – 46,	Антонюк З. 23 – 71	20 – 5-8,32,47;
51; 20 – 45	Анфинсен К. 22 – 15	22 – 70; 23 – 90
Абрамович С. 19 – 47	Апресян Ю. 20 – 50	Берс Л. 20 – 34,38
Агапова Л. 22 – 51	Арансибия С. 22 – 15	Библиенко И.19–59,60
Аденауэр 22 – 66	Аргентов А. 22 – 42,	Бирская И. 19 – 19-21
Азбель М. 19 – 46,49,	70,75; 23 – 53	Бирский Т.19 – 19-21
51,52; 20 – 75;	Арон Р. 20 – 26	Блох Ф. 19 – 26
22 –7-10	Артин М. 20 – 34	Богатырев К. 23 – 93
Айрапетов Д. 23 – 68,	Арутюнян Ш. 23 – 90	Богданов 20 – 9
72	Ассельбаумс Т.23 –90	Богораз Л. 20 – 45
Айрикян П. 19 – 17,	Атиа 20 – 34	Болонкин А. 22 – 9,
59,60,61; 23 – 90	Ахалцихели 23 – 85	11,42,70,77
Айхенвальд Ю.22 – 70		Болысов 19 – 56
Аксельрод Дж.22 –15	Балакирев В. 22 – 77	Бондаренко А.22 –40
Александров А. 22 –	Балахонов В. 20 –45;	Бондарь Н. 22 –30-33,
7,75; 23 – 91	22 – 43,71; 23 –	70
Алексеева Л.20 – 5-8,	68, 69	Боннэр Е. 20 – 5-8,14,
27,45; 23 – 9,74	Барабанов Е.20 – 48;	45; 22 – 20: 23 – 75
Алексий,митрополит	22 – 26,74; 23 – 90	Борел А. 20 – 34
19 – 55	Бараньчак С.19–19-21	Борисов В.19 –16,59;
Алексий, патриарх	Барахени Р. 22 – 44	20 – 45; 22 – 26
22 – 46	Бардин Дж. 19 – 26	Борисов Вл. 23 – 52,
Аллилуева С. 23 – 53	Барлодяну В. 23 – 90	90
Алфорс Л. 20 – 34	Баршай В. 19 – 39	Борн Г. 20 – 40
Альбрехт В. 19 – 55;	Басараб Д. 23 – 90	Бородин Л. 19 – 58
20 – 45,48,74;	Бауэр Л. 22 – 68	Бот Р. 20 – 34
22 – 49	Бауэр М. 20 – 71	Брагинский З.19 –41
Альжанов 23 – 57	Башкиров П. 22 – 20	Брайловская И. 22 –
Альтер С. 22– 7-10	Бегун И. 19 – 46,51	7-10
Альтман А. 19 – 45;	Бедрин З. 19 – 48-49	Брайловский В. 19 –
20 – 70	Бейлина Д. 19 – 54;	46; 20 – 45; 22 –
Амальрик А. 19 – 24,	20 – 36	7-10
25,27; 20 – 43,45,	Беккет С. 20 – 46	Брандт В. 22 – 66,67
63-67,70; 22 – 45,	Белль Г. 20 – 46,56,	Братхольм 20 – 46
49; 23 – 7-8	75; 22 – 17	Брауэр Р. 20 – 34
Амстердамский С. 19	Белоозеров Н. 20 –45	Брежнев Л.19–27,57,
– 19-21	Бельмесов 23 – 41	60; 20 –47,73; 22 –

- 15-17,40,42,70,75;
23 -29,86,91,92
- Бродский И. 20 - 45
- Брук Э. 20 - 75
- Брюханов 19 - 48
- Будулак-Шарыгин Н.
19 - 55,57; 23 - 68
- Бузырова Н.20-31-33
- Буковская Н.И. 19 -
55; 20 - 25,26,31-33,
71,76; 22 -18; 23 -90
- Буковский В. 19 -
5,11,26-27,58; 20 -
12,14,15,25-26,31-33,
46,58,71,72,75; 22 -
16-19,46,62,70; 23 -
5-6,10,23,25,26,52,
68-72
- Букштейн С. 19 - 39
- Бурдо М. 19 - 58
- Бутман Г. 22 - 70
- Бычков М. 19 - 38
- Вагин Е. 22 - 50
- Вайнманы 19 - 53
- Валехо Ю. 22 - 5
- Валитова И. 20 - 45
- Ванзидлер И. 20 -71
- Ван-Фу 23 - 59
- Варато А. 20 - 76
- Варгас Д. 22 - 5
- Васильев 23 - 43
- Васильев Н. 22 - 41
- Вейд Н.22 -10; 23-52
- Веклеров Е.19 -50-51
- Великанова Т.20-34;
22 - 74
- Венцлова Т. 20 - 45;
23 - 9
- Вернер А. 20 - 71
- Верхоляк Д.23-34,90
- Верченко Ю. 23-11,12
- Вете Г. 19 - 26
- Визенталь С. 19 - 52
- Вильсон 20 - 73
- Вильямс Н. 20 - 45
- Винаров Я. 19 -41-43,
45; 22 - 35,37
- Винс Г. 22 - 44,62
- Винс Д. 22 - 40
- Владимирский Б.
20 - 32
- Власюк М. 22 - 77
- Войнович В. 20 - 45
- Волков 22 - 43
- Волобуев 23 - 43
- Воловик А. 19 - 39
- Волькенштейн М.В.
19 - 55
- Вольпин А. 19 - 26,
28-35; 22 - 50;
23 - 6,53
- Воронцов 23 - 49,50
- Восек М. 19 - 19-21
- Вудка А. 19 - 46
- Вудка Ю. 19 -45; 20
- 43; 22 - 49; 23-34
- Вульфензон Н.19 -39
- Габай И. 20 - 14
- Гаврилов Г. 20 - 59
- Гаджиева Н. 20 -49,
50,54
- Галансков Ю. 20 -14,
59,60; 23 -10,73,74
- Гамсахурдиа З. 19 -
55,61; 22 - 43,70;
23 - 90
- Ганджи М. 22 - 5,48
- Гаспринский И.22-61
- Гастев Ю. 20 - 45;
22 - 7-10; 23 - 52
- Гвинтер А. 20 - 45
- Гегель 23 - 16
- Гель И. 22 - 76;
23 - 94
- Гендин Л. 19 - 56
- Гендлер Ю. 23 - 94
- Генкин С. 20 - 45
- Герберт З. 19 - 19-21
- Гердер 19 - 53
- Герчинский 19-19-21
- Герш Ж. 20 - 40
- Гинзбург А. 20 - 5-8,
45; 23 - 34,73-75,94
- Гинзбург Е. 23 - 77
- Гинзбург Л. 19 - 39
- Гитлер А. 22 -60,66;
23 - 29
- Гладилин А. 20 - 47
- Глузман С. 19 - 5,26,
56; 20 -46,56-58,71,
75; 22 -9,44,62;
23 - 25,26,52,70
- Глужман М. 20-52,53
- Голан 20 - 71
- Голд Э. 22 - 49
- Голумбиевская А.
20 - 71
- Гольдштейны И. и Г.
19 - 47,50; 20 - 36;
22 - 7-10,38
- Гольфанд Ю. 20 - 45;
22 - 7-10
- Гончарук 23 - 58
- Гоор Р. 23 - 91
- Гопфингер 19 - 19-21
- Горбаль Н. 20 - 71
- Горбаневская Н. 22 -
17; 23 - 10
- Горбовый В. 23 - 91
- Городецкий Л. 19-51
- Григас В. 22 - 68
- Григоренко А.19-56;
22 - 45
- Григоренко З. 19 -58
- Григоренко П. 19 -5,
25,58; 20 -5-8,27,
45,57; 23 - 9,26,
53, 74
- Гримм Ю. 19 - 56
- Гринфельд М. 19 -61
- Гришкявичюс 19 - 12
- Гросс Г. 22 - 67
- Грэфраф Б. 22 - 5
- Гуревич А. 23 - 34
- Гурфель Б. 22 - 7-10
- Гусарук В. 22 - 40

- Керенский А. 23 – 29
 Кийренд М. 20 – 76;
 22 – 34
 Кирилин А. 22 – 7,75
 Киселевский С. 19 –
 19-21
 Кислик В. 19 – 48;
 22 – 7-10
 Кишэ Э. 22 – 58
 Клайн Э. 20 – 5; 22 –
 52; 23 – 6
 Клейф Я. 19 – 19-21
 Клинк М. 20 – 72
 Ковалев С. 19 – 5,6,
 26,55,59,60; 20 –
 10,12,15,22,26,43,44,
 46,47; 22 – 9,14,15,
 22,34,62,63; 23 – 52
 Коган Н. 19 – 38
 Колаковский Л. 19 –
 19-21
 Колесников И. 22 – 40
 Колшанский Г. 20 – 55
 Кольман А. 23 – 29-33
 Кон Л. 19 – 19-21
 Кондрюк 19 – 58
 Копелев Л. 22 – 60-64,
 71
 Корвалан Л. 23 – 5-6,23
 Коридзе 19 – 60
 Корнберг А. 22 – 15
 Корнблит М. 19 – 46
 Корнгаузер Ю. 19 –
 19-21
 Корнилов В. 20 – 45
 Корнилович М. 19 –
 19-21
 Корчак А. 20 – 5-8,45;
 22 – 7-10; 23 – 75
 Корчной В. 22 – 50
 Костава М. 23 – 84-89,
 91
 Костерина Е. 22 – 7-10
 Косыгин А. 19 – 60;
 23 – 91
 Котов Р. 20 – 53
 Кофман И. 19 – 47
 Кошаровский Ю. 19 –
 46
 Кошевой Л. 19 – 46
 Красин В. 20 – 22-24
 Крахмальникова З.
 19 – 16
 Криксунов П. 19 – 41
 Криницкий 19 – 19-21
 Кружков А. 19 – 49
 Круль М. 19 – 19-21
 Крупская Н. 23 – 29
 Кублановский Ю. 22 –
 71
 Кудирка С. 19 – 26
 Кудрин В. 22 – 45
 Кузнецов Э. 19 – 8,
 10; 23 – 41
 Кулишев Л. 22 – 5
 Кумахов 20 – 49,53
 Купер Л. 19 – 26
 Куравский В. 19 – 50
 Куроедов В. 19 – 58;
 22 – 25,75
 Куронь Я. 19 – 19-21
 Куртсентов Д. 20 – 72
 Курчик Н. 23 – 40
 Лавут А. 20 – 45
 Ладыжинский 19 – 40
 Лазуркин Ю. 19 – 24
 Лалла Р. 22 – 5
 Ланда М. 19 – 27,55,
 57,59; 20 – 5-8,72;
 22 – 71,74; 23 – 75
 Лапинский 19 – 19-21
 Лашкова В. 23 – 73
 Левин И. 19 – 38
 Левинзон С. 19 – 47
 Левит Л. 19 – 41
 Левитас Б. 19 – 41
 Левич В. 20 – 37;
 22 – 7-10,13; 23 – 17
 Лем В. 19 – 26
 Ленг Д. 19 – 55
 Ленин В. 20 – 63; 23 –
 29,37,44
 Ленчик Е. 19 – 57
 Леонтов М. 23 – 43
 Лернер А. 19 – 49-50,
 54; 20 – 35-36,72,75;
 22 – 7-10; 23 – 91
 Лернер В. 20 – 35
 Лесневский 19 – 19-21
 Липинский 19 – 19-21
 Липский Я. 19 – 19-21
 Лисовая В. 22 – 71
 Лисовой В. 22 – 9,11,71
 Литвинов П. 22 – 44;
 23 – 6,10,73
 Ломсадзе Ш. 23 – 85,87
 Лукаускайте-Пошкене
 23 – 9
 Лунков 22 – 18
 Лунц А. 19 – 46,51,54;
 20 – 45
 Луриа С. 22 – 15
 Луцкер М. 19 – 40,41
 Львов А. 22 – 15
 Любарская 19 – 6
 Любарский К. 19 – 10,
 17,55; 20 – 12,32;
 22 – 9-11,27-29,43,
 71,74; 23 – 69,70
 Лю-Вань-Юй 23 – 59
 Люка Л. 20 – 40
 Мавроматис А. 22 – 5
 Магнер А. 19 – 39
 Мазинова С. 20 – 72
 Майтинская 20 – 52,53
 Макаренко М. 22 –
 27-29,43,72,74
 Макарец 23 – 49,50
 Маккарти 19 – 50
 МакКлеллан 22 – 49
 Максимов В. 22 – 17
 Малкин А. 19 – 41,42;
 22 – 35,37
 Малковский 19 – 19-21
 Маложенский 23 – 91
 Мамчур С. 23 – 91
 Марамзин В. 19 – 8,
 22,23

- Маресин В. 20 – 43
 Марков 22 – 17
 Марков Г. 23 – 12,14
 Маркс К. 20 – 61;
 23 – 16, 37
 Маркушевский 19 –
 19-21
 Марченко А. 20 – 5-8,
 74; 22 – 62; 23 –
 74,91,94
 Марченко В. 19 – 57,
 60; 23 – 91
 Марше Ж. 19 – 27,55,
 56; 22 – 71
 Матас Х. 23 – 23
 Мауерсбергер А. 19 –
 19-21
 Ма-Хун см.Юй-Ши-Лин
 Мациевский 20 – 71
 Медведев Р. 19 – 57
 Медвинская Б.19 – 39
 Мейман Н. 22 – 7-10
 Мельчук И. 19 – 24;
 20 – 49-55,76; 23 – 91
 Менделевич И. 19 –
 46; 20 – 33
 Менли Дж. 22 – 17
 Мерчуле Г. 23 – 85
 Мешенер И. 19 – 45;
 20 – 47; 22 – 16
 Мешко О. 20 – 31-33,
 72; 22 – 72; 23 – 91
 Миколайская Г. 19 –
 19-21
 Микоян А. 22 – 66
 Миллер А. 22 – 17
 Миллер Я.Н.19 – 19-21
 Минкер Дж. 19 – 49
 Мирбах 20 – 64
 Митрофанова 19 – 61
 Михайлов 23 – 91
 Михайлов Б.22 – 49,72
 Михайлов М.19 – 24-25
 Михник А. 19 – 19-21
 Мовчан А. 22 – 5
 Монтгомери Д.20 – 34
 Монтес Х. 23 – 23
 Мороз В. 19 – 27;
 20 – 27,33,74,76;
 22 – 35,44,62,72;
 23 – 25,35,40,41
 Мороз Р. 20 – 73;
 22 – 72
 Морозов Н. 23 – 12
 Морс М. 20 – 34
 Мостоу Дж. 20 – 34
 Мотрюк М. 23 – 91
 Мошечевы 19 – 39
 Мтацминдели 23 – 85
 Музыка Л. 19 – 19-21
 Мурженко А. 23 – 41
 Мыцельский19 – 19-21
 Мяттик К. 20 – 76;
 22 – 34
 Нарбут Ю. 19 – 21
 Нарича М. 22 – 76
 Настусенко Л. 22 – 44
 Натапов Г. 19 – 16
 Нащиц М. 19 – 47;
 22 – 44
 Неизвестный Э. 19 –
 25; 23 – 31
 Некипелов В. 22 – 49,
 51, 72
 Некрасов В. 20 – 56-
 -58; 22 – 17; 23 – 31
 Некрич А. 20 – 13-15,
 47, 73
 Нижников Э. 19 – 39
 Никсон Р. 23 – 38
 Нисанова Л. 19 – 44,60
 Нолтон В. 22 – 17
 Норман К. 20 – 35
 Нудель И. 19 – 54,57;
 22 – 38,41,53-59,72
 Нудельман А. 19 – 39
 Нупс Т. 22 – 17
 Обидин В. 20 – 75;
 22 – 35
 Овсицер Л. 19 – 47,
 48,53; 22 – 72
 Огородников А. 22 –
 72; 23 – 92
 Озеров 23 – 14
 Ольденбург Л. 22 – 67
 Ольховая Н. 20 – 32
 Ольшевский19 – 19-21
 Опизари Б. 23 – 85
 Орлов Ю. 19 – 25,58,
 59; 20 – 5-8,27,34,45,
 73,75; 22 – 7-10,39,
 46,52,72,75; 23 – 9,
 53, 74
 Орловский Э. 19 – 60;
 22 – 49,52,73
 д'Ормессон Ж.22 – 18
 Орпитер Н. 19 – 39
 Орсал Т. 22 – 5
 Осадчий М. 23 – 40,41
 Осипов В. 19 – 11;
 20 – 12,43,46; 22 –
 34,43-44,62
 Османов М. 23 – 92
 Остриров Е. 19 – 39
 Павел VI 22 – 18
 Павленков В. 20 –
 59-62
 Павлов 23 – 50
 Павлов В. 20 – 77
 Павлов Я. 19 – 17
 Пайдак А. 19 – 19-21
 Пайлодзе В. 19 – 60
 Панкратов М. 20 –
 59 – 62
 Паскевич 23 – 86
 Пастернак Б. 22 – 51
 Патрушев В. 23 – 94
 Паульс А. 22 – 77
 Паульс И. 22 – 75,77
 Пекарев 23 – 43
 Пеккер М. 19 – 39;
 20 – 45
 Пенсон Б. 19 – 24,46
 Пенхасов Ш. 19 – 39
 Пенчевский 19 – 41
 Перальта 22 – 39
 Перцев 19 – 48

Петров-Агатов А.А.	Пятецкий-Шапиро И.	Рыбицкий 19 – 19-21
19 – 57; 20 – 45	20 – 45	
Петровский 20 – 63	Пяткус В. 23 – 9	Сабашвили 19 – 60
Петровский И. 23–15		Савинкин Н. 22 – 70
Пидгородецкий В.	Раббот Б. 19 – 38	Сагинов Х. 22 – 77
23 – 92	Раби И. 19 – 26	Саланский 22 – 7-10
Пимен, патриарх 22 –	Рабинович С. 19 – 48	Салий Я. 19 – 19-21
42,46,70,73,74;	Радуцкий В. 19 – 7	Салова Г. 20 – 31-33
23 – 93	Рамм Д. 20 – 45	Сапеляк С. 22 – 71
Пиночет 22 – 15,42;	Рапопорт А. 19 – 38	Саранчук П. 23 – 40,43
23 – 27	Расторгуева 20–51,53	Сартр Ж.-П. 20 – 46
Пинсон Г. 19 – 46	Рахленко Я. 19 – 57	Сафронов А. 22 – 71
Пифагор 23 – 85	Ребрик Б. 20 – 33;	Сахаров А. 19–24-26;
Плахотнюк Н. 22 – 44	23 – 40	20 – 9-12,14-16,34,37,
Плющ Л. 19 – 5-7,11,	Регельсон Л. 19 – 59;	45,52,72,73,75; 22 –
26; 20 – 9-11,27,57,	22 – 74; 23 – 90,93	7-10,12-15,20,22-24,
58,74; 23 – 10,25,	Реддавей П. 22 – 65-69	45,46,64,73,75; 23 –
28, 52	Рейнвотер Дж. 19 – 26	7,9,27,53,54,74,84,88
Побережанский 19–38	Рид Д. 20 – 62	Светличная Н. 20 – 47
Подгорный 23–49,50	Робакидзе Г. 19 – 60	Светличный И. 20–12;
Подгорный Н. 19 –	Роде Г. 22 – 62	22 – 62
56,58,60; 20 – 26;	Родионов В. 19 – 58	Светов Ф. 19 – 16
22 – 18,42,70	Розенштейн Г. 19–51;	Сегре Э. 19 – 26
Подьяпольская А.	22 – 7-10	Сеитмуратова А. 19–
20 – 32	Ройтбурд Л. 19 – 44-	57, 61
Подьяпольский Г.	45,53; 22 – 24,35	Семенова Т. 22 – 24
19 – 23; 20 – 75;	Ройтзад В. 19 – 39	Семинега Ф. 22 – 5
22 – 70	Рокицкий В. 23 – 68	Сент-Джордж 22 – 15
Полищук А. 19 – 45	Романюк В. 19 – 56,	Серафим, митрополит
Помян Х. 19 – 19-21	58; 20 – 12; 22–73;	19 – 18,57
Пономарев С. 20 – 59	23 – 35-38,40,42,92	Сергиенко А. 20 – 12,
Попадюк З. 23 – 70,71	Ростропович М. 23–31	31,72,73; 22 – 72;
Попов 22 – 53	Роум Н. 23 – 21	23 – 68,91
Попов В. 22 – 72	Рохас Ф. 22 – 5	Сиденко Ф. 19 – 57;
Попович Н. 19 – 16	Рубин В. 19 – 54;	23 – 94
Поповский М. 23 –	20 – 5-8,27,35,45,47	Сила-Новицкий В.
11-14, 92	Рубин И. 19 – 46,51	19 – 19-21
Поттер Ф. 22 – 71,72,	Руденко М. 20 – 45;	Сильницкий А. 19 –
74; 23 – 93	23 – 9,53	41,43,60; 22 – 37
Праздникова 20 – 9	Руденко Р. 20 – 70,74,	Сильницкий Т. 20–73
Пресман И. 19 – 39	75; 22 – 77	Симонов К. 23 – 14
Престин В. 19 – 47,	Рушель Ф. 22 – 68	Симпсон Д. 20 – 18
51; 20 – 45	Руставели Ш. 23 – 84,	Симукайтис 23 – 41
Прибыш 19 – 49	85	Симчич М. 23 – 47-51,
Пустюльник Р. 19–39	Рыбаков 22 – 43	92

- Синявский А. 20 – 53, 60; 23 – 73
Сиротенко Е. 19 – 24, 51
Скальский 19 – 19-21
Скворцов 23 – 70
Скляренко В. 22 – 40
Слепак В. 19 – 54; 20 – 36, 45, 75; 22 – 38; 23 – 94
Слинин А. 22 – 41
Слонимский 19 – 19-21
Смелянский Э. 19 – 57
Смирнов 22 – 48
Соколов 20 – 76
Соколов В. 22 – 39; 23 – 53
Солдатов С. 20 – 76; 22 – 34, 74
Солженицын А. 19 – 27, 57; 20 – 9, 11, 56, 62, 70; 22 – 40, 51, 71; 23 – 11, 31, 75
Солсбери Г. 20 – 5
Сольмс Х. 20 – 40
Сонников 23 – 58-60, 64
Сорока С. 19 – 57
Состр М. 22 – 44
Сталин И. 22 – 60, 64; 23 – 30, 32, 40, 44, 48
Старобинец С. 19 – 49
Старчик П. 20 – 45; 22 – 42; 23 – 10, 90
Стасив-Калинец И. 19 – 17
Стейнберг 19 – 19-21
Столяр А. 19 – 40
Стоппард Т. 22 – 17
Стоун Дж. 22 – 14, 39
Стрыйковский Ю. 19 – 19-21
Студенков А. 23 – 94
Стус В. 22 – 62
Сук 22 – 44
Суперфин Г. 19 – 8, 10; 20 – 15, 28, 31, 32, 46, 73; 22 – 9, 62; 23 – 69-71
Сусленская М. 22 – 73
Сусленский Я. 19 – 45, 60; 22 – 71, 73
Сухарев 20 – 26, 63-67
Ся-Цей-Гень 23 – 60, 62, 63
Тарнаполски В. 22 – 5
Тарусевич М. 20 – 74
Таунс Ч. 19 – 26
Твардовский А. 19 – 57
Твердохлебов А. 19 – 10, 26, 55, 58, 60, 61; 20 – 6, 9-12, 26, 46-48, 73, 74; 22 – 9, 20-21, 34, 62, 63, 75, 76
Твердохлебова С. 22 – 20
Тейт Дж. 20 – 34
Телицын 19 – 47
Темин Х. 22 – 15
Терляцкас А. 19 – 58
Тиква Р. 20 – 73
Тимохин В. 23 – 94
Тиссен М. 20 – 73
Тихонов 19 – 51
Толстая А. 23 – 53
Томачинский 22 – 23
Томушат К. 22 – 5
Третьякова 22 – 53
Трифонов Э. 22 – 7-10
Троцкий Лз 20 – 63
Турбовский И. 19 – 39
Турчин В. 19 – 25, 27, 58; 20 – 10, 45, 48, 73; 22 – 7-10, 39, 46, 75; 23 – 12
Тымчук Л. 22 – 24
Тюрин 23 – 43
Тюрин А. 23 – 15
Угодин 23 – 71
Уейл А. 20 – 34
Уинстон 19 – 50
Уитни Х. 20 – 34
Улановский Л. 19 – 58
Упсал 20 – 46
Файнберг В. 20 – 27, 68; 22 – 17; 23 – 10
Фаст Г. 22 – 68
Федоренко В. 22 – 74
Федоренко Н. 22 – 46
Федоров Ю. 20 – 33; 23 – 41-43
Федотов 20 – 33
Федотов И. 19 – 61
Фельдман А. 19 – 6, 17, 44; 22 – 24, 72
Фельдман Л. 19 – 39
Фельдман Р. 19 – 41
Фенвик М. 23 – 17, 18
Фертих И. 20 – 75
Фиковский 19 – 19-21
Филипович 19 – 19-21
Финкельштейн Э. 19 – 51, 54; 22 – 7-10
Финкельштейнас Э. 23 – 9
Флорескул 19 – 58
Форд Дж. 19 – 27; 20 – 72; 22 – 12, 73; 23 – 18, 93
Френдли А. 23 – 17-20
Фридман К. 19 – 48
Фридман Э. 22 – 55
Хаирова В. 19 – 58
Хайбулин В. 22 – 26, 74
Хайло В. 20 – 74
Халич Д. 23 – 92
Ханга В. 22 – 5
Ханцтели Г. 23 – 85
Хатгевей Д. 23 – 93
Хведенчук 19 – 19-21
Хс-Ин-Чу 23 – 62-64
Хейман Э. 20 – 45
Хейфец М. 19 – 8; 22 – 62, 74; 23 – 52
Хендлер Ф. 20 – 37
Хиронака Х. 20 – 34
Хиох А.-Л. 19 – 45
Ходорович Т. 20 – 34, 43, 74, 75; 22 – 7-10, 26, 74; 23 – 10
Холли Р. 22 – 15
Хорошанский И. 19 – 38, 58
Хофштадтер Р. 19 – 26
Хохлушкин И. 19 – 16; 22 – 74

ПЕРЕЧЕНЬ ИМЕН
(продолжение)

Хрущев Н. 22 - 66; 23 - 29,30,86	Шепелев М. 22 - 7-10	Эверс А. 20 - 49
Хуан-Син-Ван 23 - 62	Шестак Дж. 20 - 5	Эйвбери 22 - 18
Хучуа П. 23 - 87	Шестов Ю. 22 - 50	Эйдельман М. 20 - 74
Цветков 23 - 42-43	Шибанов Н. 23 - 43	Эйхман 19 - 52
Цирекидзе Ю. 19 - 58	Шидко М. 22 - 46	Элден Л. 22 - 40
Цукерман Б. 22 - 53	Шилькрот Б. 22 - 55	Эммануэль П. 20-26; 22 - 17
Чакалова Ш. 23 - 92	Шиманов Г. 22 - 73; 23 - 93	Эссас И. 19 - 47,51
Чаковский А. 23 - 14	Шимборская В. 19 - 19-21	д'Эстен Ж. 22 - 18
Чалидзе В. 19 - 9-11; 22 - 40,52; 23 - 6,68, 76-83,84	Шиханович Ю. 19-26; 20 - 32	Эткинд Е. 20 - 8
Чандра Р. 22 - 72	Шмицг 22 - 69	Эшлиман Н. 22-46,73
Чемберлейн 19 - 26	Шовковый В. 23 - 93	Юдович Л. 20 - 9
Чемоданов 20 - 53	Шостаковский 20-45	Юй-Ши-Линь 23 - 54- 67, 94
Черняк В.А. 19 - 61	Шрагин Б. 20 - 68	Юнусова Р. 22 - 73; 23 - 93
Чнадель Я. 19 -19-21	Шриффер Р. 19 - 26	Юскевич А. 20 - 76
Чомский Н. 20 - 49	Штаркман А. 19 - 58	Юхананов 19 - 43-44
Чуковская Л. 20 -17, 20,21,74	Штейн Е. 20 - 59-62	Юцис А. 19 - 46
Шаручкас К. 23 - 9	Штерн В. 19 - 46	
Шахвердян Б. 23 -68, 70	Штерн И. 20 - 74	
Шафаревич И. 19 -14- -16,58,59; 20 -34,74; 22 - 26; 23 - 15-16	Штерн М. 20 - 46,74	
Шахлямова Э. 20 - 51	Штоссел В. 22 - 49	
Шахнарович А. 20 - 49	Шульц 20 - 26	
Швейский В. 22 -62; 23 - 91	Шумук Д. 20 - 74; 23 - 40,42	
Шеварнадзе Э. 23 - 88	Шустер А. 22 - 20	
Шеель 22 - 69	Шухевич Ю. 23 - 40	
Шелков В. 19 -58,60; 22 - 26	Щаранский А. 19 -46, 54; 20 - 5-8,35; 23 - 9, 94	
Шелонговский К. 19- 19-21	Щелоков 20 - 26; 22- 14,16	
	Щепанский Я.-И. 19 - 19-21	
	Щипюрский А. 19 - 19-21	
		Яворский 23 - 50
		Якир Е. 20 - 45
		Якир П. 20 - 22
		Якобсон Н. 20 - 34
		Яковлев 23 - 43
		Якунин Г. 19 - 27,55, 58,59; 22 - 26,46,73, 74; 23 - 93
		Янкелевич Е. 22 - 14- -15, 22-24,73,74
		Ярошевский З. 19 - 19-21
		Ярошевский Ф. 19-26
		Ярцева В. 20 - 49, 50,53-55